

А. И. Вильямс

Старинная русская почта

М. Н. Виташевская

ТАРИННАЯ РУССКАЯ ПОЧТА

СВЯЗЬ ИЗДАТ · 1969

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЯМСКОЙ ГОНЬБЫ

Киевская Русь была большим и сильным государством. «Империя Рюриковичей», как назвал её Карл Маркс, объединяла под властью Киева огромную территорию, в состав которой входили и Новгородское, и Суздальское, и Ростовское княжества.

Города Киевской Руси были богаты и шумны. Кого только не было за их стенами — варяжский князь Снмон, пришедший из-за Балтийского моря, византийские и западные купцы, греческие художники, венгерцы с берегов Дуная, немцы, половцы из степей, многочисленные ремесленники.

Торговала в то время Русь чуть ли не со всем светом. Русских купцов встречали у булгар на Волге и у кочегов на Кавказе, в Багдаде, Византии и в Западной Европе.

Белась в Киевской Руси и оживлённая переписка. Как ни бедна дошедшая до нас литература тех времён, однако мы знаем о ряде дипломатических писем, о родственнических письмах князей, княжён (например, письма Янки, дочери Ярослава, братьям), а также духовных посланиях.

Есть в русской летописи (984 г.) такая запись о радимичах: «...платят дань, Руси повоз везут и до сего дня».¹⁾ Слово «повоз» можно было бы толковать как натуральную повинность побеждённого племени перевозить людей и казнь для киевского князя. Однако вернее под повозом понимать такой способ уплаты дани, при котором побеждённые племена сами должны были доставлять её в определённое место в отличие от обычного сбора дани. Через полтора столетия мы встречаемся уже с другим значением слова «повоз». В Ипатьевской летописи (1151 г.) рассказывается, что Юрий Долгорукий из Города направился в Суздаля, по дороге захватил к князю Святославу Ольговичу Черниговскому и «тот принят и с честью великою, и повозы да ему».

Таким образом, под «повозом» предполагалась какая-то система перевозки как самих князей, так их послов и гонимых.

В Новгородской летописи (1209 г.) рассказывается, что новгородцы, недовольные своим посадником Дмнтрием и его приверженцами, собрали вече и, вспоминая все внии посадника, кричали, что он приказывал «повозы возить». Здесь «повоз» — уже натуральная повинность населения.

О повозе упоминается и во многих договорах новгородцев с приглашаемыми ими князьями, где записано, что население обязано давать лошадей для гонимых и дворян князя.

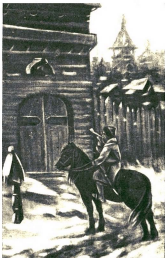
Позднее в северо-восточной Руси слово «повоз»²⁾ заменяется тер-

¹⁾ Полное собрание русских летописей, т. I, Собр., 1841, стр. 36.

²⁾ Интересно, что термин «повоз» сохранился, но с несколько иным значением. «Повоз» стал натуральной повинностью крепостных крестьян.

Княжеский гонцу трубят
в рог, извещая население
о своём прибытии
(XIV—XV вв.)

нином «подвода». Однако по-прежнему население обязано выставлять лошадей с «десяти сох по две подводы от стану до стану» для княжеских гонцов и его слуг.

Подводная повинность была очень тяжела для населения. Освобождение от неё являлось большой льготой. Но эту милость оказывали не часто. Изредка освобождались от подводной повинности погорельцы и новосёлы, причём последние на срок от двух до десяти и очень редко двадцати лет.

Князья пытались установить порядок в пользовании подводами: гонцам приказывалось ездить только по определённым дорогам, делалось большое различие между гонцом и княжескими чиновниками, путешествовавшими по своим делам. Гонцу, у которого не имелось соответствующего удостоверения, можно было не давать лошадей.

Организованная система сообщений, т. е. ямская гоньба, возникла значительно позднее.

· Что же это за слово «ям»?

Большинство исследователей считают, что «ям» происходит от монгольского слова «даям» — дорога.

Первое упоминание о яме мы находим в ярлыке хана Менгли-Тимура. Он дал этот ярлык православному духовенству в семидесятых годах XIII в. Среди всех дарованных церкви льгот упоминается и освобождение от яма. По нашему мнению, «ям» был налогом. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что для его сбора посылались особые сборщики — ямщики.

По документам XIV в. мы узнаём о яме, собиравшемся в пользу князей. Освобождая, например, кого-нибудь от «подвода» и «яма», князь делал специальную оговорку, что он даёт льготы по подводной повинности и не берёт яма в свою пользу.

Таким образом, издавна существовали необходимые предпосылки для организации регулярной связи (подводная повинность, сбор специального налога).

Ко второй половине XV в. Московское государство было достаточно сильным, и с ним приходилось считаться соседним странам. При Иване III (1462—1505 гг.) завершилось государственное объединение Руси. Если территория княжества первого московского князя Даниила была равна 2500 квадратным километрам, то при начале княжения Ивана III она уже выросла до 750 тысяч квадратных километров, а своим потомкам он оставил княжество в 2 миллиона квадратных километров. Расширившееся государство требовало новых методов управления и в первую очередь налаженной связи.

Есть много оснований думать, что организатором ямской гоньбы в России был Иван III. В своём духовном завещании среди прочих

распоряжений от пишет, чтобы сын его Васнаий «...в своём Великом Княжестве держит ямы и подводы на дорогах по тем местам, где были ямы и подводы на дорогах при мне; а дети мои Юрьи з братьеву по своим отчинам держат ямы и подводы на дорогах по тем местам, где были ямы и подводы по дорогам при мне»¹⁾.

Выражение Ивана III «при мне» едва ли могло служить доказательством, что именно при нём была организована ямская гоньба, если бы в его завещании не было выражения «по старине», т. е. о чём-либо существовавшем до него.

Возможно, что ямы были созданы на некоторых дорогах и раньше княжения Ивана III, но только он придал ямской гоньбе административное значение, только с его времени она начинает складываться в систему.

Ямская гоньба была создана только для нужд государственного управления. Направление ямских дорог свидетельствует об этом. В то время как ряд важнейших торговых путей не был устроен и не имел ямов, пути, по которым велись дипломатические сношения, например от города Новгорода до ливонского рубежа, хотя и пролегали по пустынной и зачастую малонаселённой местности, имели хорошо устроенные ямы.

Московское правительство старалось организовать ямскую гоньбу не только в своих дедовских вотчинах, но и в новоприсоединённых землях. Завоевав, например, Смоленщину, Васнаий III (1505—1533 гг.) немедленно устранил там ямы, а Иван IV (1533—1584 гг.) организует ямскую гоньбу в покорённом им Казанском ханстве и в Сибири.

Развивавшаяся ямская гоньба не уничтожила подводную повинность, которая просуществовала вплоть до XVII в. и дополняла гоньбу.

Очевидно, в годы царствования Ивана III организуется и центральное управление ямской гоньбой. Первоначально оно было сосре-

¹⁾ Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 1. № 144. М., 1813, стр. 398.

доточено в руках казначеев великого князя. Эти важные по тогдашним временам княжеские сановники обыкновенно поручали управление ямами одному или двум дьякам, которые позднее именовались «ямскими дьяками». Вначале в ведении этих дьяков были наряду с ямской гоньбой посольские, архивные и непосредственно казначейские дела.

Понемногу ямское дело стало обособляться, и в 1550 г. появляется упоминание о ямской избе. Однако ямской избой пока ещё ведал казначей, хотя правительство и начинает понимать, что ямским делом должно веждать специальное учреждение. Этого требовала расширявшаяся ямская гоньба и то внимание, которое уделяло ей московское правительство. В семидесятых годах XVI в. гоньба изымается из ведения казначеев и для управления ею создается особый Ямской приказ.

В 1604 г. Ямской приказ упоминается как совершенно самостоятельное учреждение, находящееся в ведении специального судьи и дьяков. Это мы узнаём из грамоты Бориса Годунова, в которой он приказывает окольным дьякам Салтыкову и дьяку Шестакову сделать распоряжение по всем ямам, чтобы были приготовлены для посла Логоу по двести подвод на каждом яме.

Не один только Ямской приказ ведал ямами. В областях, которыми управляли специальные приказы: Новгородская четь, приказ Казанского дворца, Сибирский приказ и др., — всё ямское дело подлежало их ведению. Судя по ряду документов, все кормовые и загонынные книги, т. е. весь архив, хранился в Ямском приказе. Там же вошла запись всех указов и грамот по ямскому делу. Поэтому при устройстве и управлении ямами другие приказы обращались в Ямской приказ.

Из жалованных грамот XVI в. известно, что судебные дела между ямщиками и сторонними людьми обычно разрешал Ямской приказ.

Иногда судей было двое. Кроме судьи, в приказе находились два дьяка. Подьячих, приставов и сторожей в приказе было сравнительно немного, например, подьячих только 20 человек. Подьячие дежались

на «вёрстаных» и «невёрстаных». «Невёрстаные» жалованья не получали, они считались ещё учениками и жили «доброхотными приношениями». «Вёрстаные» получали жалованье от 1 до 24 руб. в год в зависимости от важности работы и от количества прослуженных лет. Пристава и сторожа получали по 8 руб. в год. В общем содержание приказа обходилось недорого. Так, в 1687 г. весь расход на жалованье составлял 273 руб. 13 алтын. Кроме того, 75 руб. было потрачено на чернила, бумагу, отопление и освещение.

Помещался Ямской приказ в Кремле.

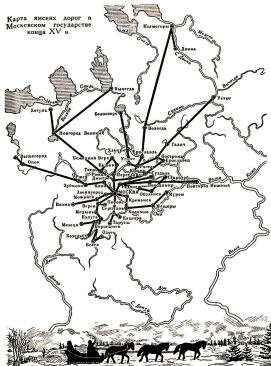

ЯМЩИКИ И ЯМЫ

В конце XV и начале XVI вв. ямы устраивались по многим дорогам. Из Москвы ямские дороги шли на Новгород, к немецкому рубежу на Ругодн (Нарва), на литовскую границу через Можайск и Новгород-Северский, на Казань через Муром, наконец, вглубь земель, расположенных на юго-востоке России. Был ещё один путь, имевший большое политическое значение, — в Крым, к другу и союзнику Ивана III — хану Менгли-Гирею, между ними всё время шла оживлённая переписка.

Обычно ямы находились в 30—40 верстах друг от друга. Устраивались они при населённых пунктах. Если между селениями было

Карта ямских дорог в
Московском государстве
конца XV в.

больше 40 вёрст, то устраивался промежуточный ям. Этот ям не был самостоятельным, а приписывался к основному ближнему яму.

Во главе ямов стояли ямщики, обычно двое-трое, реже больше. Слово «ямщик» сходно с тюркским словом «ямчи», которое первоначально означало человека, непосредственно управлявшего лошадыни. Ещё больше слово «ямщик» сходно с персидским словом «ямджик» — гонец. В то время гоньба велась населением. Ямщик был чем-то вроде станционного смотрителя, а не возницу. При Иване III и его преемниках ямщики следили за тем, чтобы на яму всегда было достаточное количество лошадей и корма для них, а также ведали всеми расчётами. Правительство обращалось к ним как к своим чиновникам.

Ям состоял из двух-трёх изб, обширной конюшни и больших сараев для сена и овса. Обыкновенно к яму приписывались пашня и сенокосные земли, которыми пользовались ямщики. К большим ямам приписывались даже целые деревни, доход с которых шёл ямщикам.

С увеличением гоньбы на яму, кроме ямщиков, появляются дячок, ведавший кингами для записей, и дворник — хозяин постоялого двора. Судя по дошедшему до нас документу, адресованному на Тотюму (1548 г.), ямщики и их подручные избирались всей округой: городским и сельским населением.

После избрания и согласия на это местного наместника ямщики отправлялись в Москву к казначею великого князя. Дьяки казначей приводили набранных к крестному целованию, что он «воровать против царя и великого князя не будет и службу свою будет справлять честно и великодушно». Потом ямщикам давали деньги на расходы, и они разъезжались по ямам.

К ямам окрестное население заранее доставляло определённое количество подвод с лошадьми и корм. В случаях особой надобности приводилось большее количество лошадей. Если ям стоял на судоходной реке, то гонцов-послов отправляли по воде: им давали лодку с гребцами и кормщика.

В отличие от обычной повинности поставку подвод и лодок правительство оплачивало, платило оно и проводникам. Об оплате насе-

денно за прогоны сохранялись сведения начала XVI в. Видно, тогда же были введены и книги для записей расхода этих денег, так называемые *загонные* или *изгонные* книги. Дьяки казначей ежегодно проверяли по ним расходы. По особому указу книги мог проверить наместник.

Судя по письму на Тотьму от 1548 г., крестьянам, выставлявшим подводы на ям, платилось по 3 деньги (деньга — денежный знак, полкопейки) за 10 вёрст за каждую подводу, а проводнику — по 1/20 деньги с версты. По тем временам это была неплохая оплата. Московский рубль конца XV в. равнялся 130 золотым рублям начала XX в., а первой половины XVI в. — 73,83 золотым рублям. В среднем ценность московского рубля конца XV и середины XVI вв. равнялась 100 золотым рублям. В московском рубле было 200 денег, таким образом, одна деньга равнялась 50 коп. золотом. Следовательно, за подводу население получало от ямщиков по 15 коп., а проводник — по 2,5 коп. с версты. Таким образом, за подводу (обычно тройку), на которой гонец ехал 30 верст до следующего яма, выплачивалось 4 руб. 50 коп., а проводнику — 75 коп.¹⁾

Однако, несмотря на такую высокую оплату, население тяготелось ямской гоньбой. Ямщики, боясь больших требований на подводы, набирали как можно больше лошадей и держали их на яму по многу дней. На стоящих «бездельно» лошадях нельзя было заработать, кроме того, лошади брались на хозяйства, т. е. уменьшалась тягловая сила. Иногда правительство вынуждено было посылать особых приставов с тем, чтобы отбирать у ямщиков лишние лошадей и возвращать их населению.

Ямская земля освобождалась от всех налогов и сборов. В старой Новгородской окладной книге записано, что с земли яма на Навье «старого дохода шло денег пять гривен, баран, куры, десять локот²⁾

¹⁾ Из дошедших до нас материалов мы знаем, что четверть ржи, т. е. приблизительно 1,5 центнера, стоила тогда 6 коп. Таким образом, за переезд в 30 верст одной подводы платили 112,5 килограмма ржи, а проводнику 18,5 килограмма ржи.

²⁾ Мера длины.

полотна, да повода, пяток льну, три остромка ¹⁾ сена, а из хлеба четверть, а ключнику три четверти ржи, три четверти ячменя. А ныне пашут ямщики и никакого сена, ни гривен денег ждать уж не придётся».

Ямщик был выборным от общества человеком, но обществу он не подчинялся. Он отчитывался только перед Москвой, откуда получал приказы.

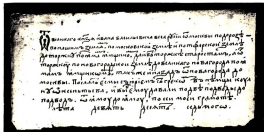
Иногда должность ямщика переходила от отца к сыну, от сына к внуку. Писцы записывают землю уже не как фонд яма — она отождествляется с наследственной собственностью ямщицкого рода.

Пользоваться ямскими лошадьми могли только лица, имеющие особые грамоты — подорожные, которые удостоверяли, что человек едет не по своим личным делам, а послан по государеву делу. Князь Юрий Дмитриевич, например, разослал приказ в 1470 г., где разрешает брать подводы, корм и проводников только тем, «кто погонит с моей грамотой подорожной».

Вначале текст подорожных был индивидуален, но к концу второй половины XVI в. вырабатывается специальная форма подорожной. В подорожной писались титул, точное название маршрута, указание на соблюдение подорожной всеми ямщиками, а там, где нет ямов, — для всего населения, имя и звание предъявителя подорожной, по каким делам он послан, количество подвод, проводников, судов, гребцов и кормщиков, которых имел право требовать слугий, наконец, указывалась дата, подпись и ставилась чёрно-восковая печать.

Сохранился текст первой из дошедших до нас подорожных, выданной в 1489 г. подьячему Кулле Оксентьеву, который сопровождал посла. Вот перевод этого текста: «От Великого Князя Ивана Васильевича всея Руси, от Москвы по дороге по нашим землям, по Московской земле и по Тферской земле, до Торжку по ямом ямщиком, да и в Торжок старостам, а от Торжку по Новгородской земле до Великого Новгорода по ямом ямщиком, также и назад от Новгорода до Москвы. Послал есмы Куллу Оксентьева, и вы бы ему давали по две

¹⁾ Везанка, солопка.

Подорожная грамота 1489 г.

подводам до подвод, от яму к яму по сей моей грамоте. Лета девять-десять седьмого»¹⁾).

Позднее текст подорожных стал более подробным. Так, в подорожной, выданной в 1493 г. подьячему Ёаке, указывается, что ему обязаны давать на яму лошадей и две подводы, но также и «корм ему давать на яму». В подорожной 1504 г. мы находим указание, чтобы подводы давались немедленно, «не издержав ни часу». С тех пор это указание входит в текст подорожных как обязательная часть.

При выдаче подорожной в ней указывалось, что одному гонцу ехать и платить прогоны, а другому давать подводы без прогонов.

В «Записках о московитских делах» австрийского дипломата Сигизмунда Герберштейна говорится о ямской гоньбе начала XVI в. «...Гонцу позволено выбирать лошадь по своему желанию. Когда я торопился из Новгорода Великого в Москву, то начальник почты,

¹⁾ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Ч. 1. Спб. 1851, стр. 23.

который на их языке называется ямщиком, озабочивается приводить мне с раннего утра тридцать, иногда сорок и пятьдесят лошадей, тогда как мне было нужно не более двенадцати.

Таким образом, каждый из нас брал себе лошадь, которая казалась ему годною; усталых лошадей мы переменили немедленно по приезде на другой постоянный двор, который они называют ямом, а седла и узда у нас оставались прежние.

Всякий может гнать лошадей сколько ему угодно, и если лошадь падет или не может продолжать езду, то совершенно безнаказанно можно увести другую из каждого ближайшего дома или взять от первого попавшегося навстречу, исключая княжеского гонца. Ямщик обыкновенно отыскивает лошадь, выбившуюся из сил и оставленную на дороге; он также возвращает лошадь тому, у кого она была взята, и платит деньги за дорогу по расчёту. Большею частью за 10 или 20 верст платится 6 денег. На таких почтовых лошадях мой служитель в 72 часа прибыл из Новгорода в Москву, между которыми 600 верст расстояния, т. е. 120 германских миль. Это тем более удивительно, что лошади у них малы, за ними ухаживают гораздо небрежнее, чем у нас, и, однако, они переносят такие труды.»¹⁾

¹⁾ «Почтово-телеграфный журнал», 1900 г., август, стр. 960—961.

ЯМСКИЕ ОХОТНИКИ И ЯМСКИЕ СЛОБОДЫ

В о второй половине XVI в. начинает меняться организационная структура ямской гоньбы. Население уже не выставляло на ям лошадей и не сам сошный крестьянин возна гонцов. Для этого использовались люди, которые имели лошадей, упряжь, повозку, сани и другие предметы, необходимые для ямской гоньбы. Крестьяне, отбывающие натуральную ямскую повинность за всё общество, назывались ямскими охотниками. Охотники выбирались на продолжительный срок, а иногда и бессрочно. Однако эта реформа вводилась не сразу. На ямах постепенно образовались

группа людей, которые нанимались ехать за очередного гонщика. Это были крестьяне и посадские, набравшие ямскую гоньбу как промысел. Зачастую ямские охотники были братьями и сыновьями ямщика, жившие на яму без определённых занятий. Они получали плату, полагающуюся проводнику, — 1,5 деньги за 30 вёрст да брали ещё плату с нанявшего их очередного гонщика.

Население привыкло к тому, что есть люди, которые и в непогоду, и в бездорожье всегда готовы ехать за очередного гонщика. Были выгодны охотники и правительству. Они постоянно находились на яму и всегда готовы были отправиться, куда их пошлют. Ямщику не нужно было теперь собирать крестьян для перевозки гонца или посла.

Население стало стремиться, чтобы охотники всегда находились на яму. Нужно было определить положение ямских охотников, установить их взаимоотношения с населением. И вот во второй половине XVI в. около ям начинают расти ямские слободы, которым отводятся смежные земли.

Ямские охотники появлялись в разное время. В жалованных грамотах XVI в., дающих льготы в ямской гоньбе, до шестидесятых годов говорилось об освобождении от обязанностей стоять на яму с подводами, а после шестидесятых годов — от обязанности давать на ям охотников. В ярославском, ростовском и романовском уездах ямские охотники и ямские слободы появились между 1565—1580 гг., в Новгороде и Пскове — в 1560 г., в Москве мы знаем об устройстве Тверской-Ямской слободы в 1566 г. и т. д.

Для выбора ямских охотников и устройства ямов и ямских слобод правительство посылало «стройщиков» и давало им соответствующий наказ. Стройщики обычно были из местных служилых людей, но строили они ямы по наказу из Москвы. Так, например, Михайловский ям строили осадный голова и приказчик, в Угличе — угличанин Раков и т. д.

Вначале стройщиков присылали непосредственно из Москвы. Обыкновенно это были дьяки или дети боярские. Для особо важных ямов посылались люди пованятельнее, вроде князя Ивана Петровича Пожарского, устроившего в 1601 г. ям в Туле.

Получив наказ, стройщики запасались перечнем того, кто из уездных людей к какому яму приписан. Если ям организовывался вновь, то стройщику приходилось предварительно проделать работу по приписке к яму населения.

Тут же выяснялось, сколько всего земель у населения, и с какой части сохи¹⁾ должен быть выбран охотник.

Затем вся земля делалась на части по количеству выбираемых охотников, и населению каждого земельного надела предлагалось выбрать одного охотника. В надел обыкновенно входило несколько владений. Возникавшие споры разрешались стройщиком.

По наказам из Москвы в охотники должны были выбираться люди «добрые, лучшие, семейные, прожиточные». Предпочтение должно было оказываться тем, которые уже бывали в охотниках или у которых отцы и братья «ямскую гоньбу уже гнали».

Таким образом, правительство стремится сделать ямскую гоньбу из случайного занятия профессией, переходящей из рода в род. Однако первое время таких профессионалов не хватало и приходилось звать в ямские охотники всех людей, «которые похотят». Когда набирали нужное количество охотников, их записывали в «устройные книги»: «как которого зовут, чей сын и прозвище и у кого живут». Сюда же записывалось, с каких именно земельных участков выбран охотник, сколько у него лошадей и каких; например: «а лошадь у того охотника — мерин рыж, лыс, нос порот, грива налево, десяти лет, да мерин бур, звезда во лбе, нос порот, грива на обе стороны, восьми лет».

В «устройную книгу» записывались и поручительства в том, что охотник «будет жить в слободе, гонять гоньбу и всякое ямское дело делать, с яму не сбегит, никаким воровством воровать не будет; не

¹⁾ Соца второй половины XVI в. — это количество четвертей земли, которое меняется в зависимости от того, какая земля: монастырская, дворянская или помещичья, хорошая, средняя, «суда» или «добра худ». «Четверть земли» — это количество земли, на которой высевалась четверть ржи. На десятину сеялось обыкновенно две четверти ржи, почему впоследствии (в XVII в.) четверть ржи приравнивалась к полудесятине.

будет держать у себя корчмы, не будет устраивать у себя притона для лихих людей и краденых вещей» и т. д.

Выставляя на ям охотников, население обязано было давать им подмогу — одновременную и ежегодную. Одновременная помощь давалась на обзаведение — покупку лошадей, упряжи, телеги, сажень и на перевоз «со старинны», т. е. с прежнего места, в слободу, где надо было построить избу и двор.

Размер «одновременной подмоги определялся правительством. Подмога обычно составляла 25 руб. или 20 руб. От охотников, которым выдавали 25 руб., требовали держать вместо обычной тройки четвёрку лошадей.

Ежегодная подмога колебалась в зависимости от цен на продукты и фураж. Годовая подмога была очень различна: от 5 до 17 руб. Если население не соглашалось на поставленные условия и противилось уплате подмоги, охотники жаловались в Москву, и правительство, дорожа ямской гоньбой, заставляло население соглашаться с охотниками.

Одновременно с ямским сбором во второй половине XVI в. появляются ещё два сбора: «ямским охотникам на подмогу» и «ямским охотникам на ямы и прогоны». Как известно, ямская гоньба организовывалась не только в обжитых местах, но и по дорогам, пролегающим в малозаселённых местностях. Чтобы устроить здесь ямы, приходилось тратить государственные средства, которые в виде налогов взимались с крестьян. Кроме того, из ямских денег платили жалованье ямским дьякам, ямским приказчикам и «дворинкам».

Выбранных охотников строились наделая земель. Ямская земля состояла из нескольких частей: земли под ямской двор и жилые дома слободы; пашни, сенокосы, лесные угодья и оброчные деревни. Под ямской двор в зависимости от его значимости отводилось от половины до одного гектара. Обычно двор помещался в ямской слободе, расположенной на краю села или города. Земля отводилась в зависимости от количества охотников. Обычно охотник получал от 1/2 до 5/6 гектара под жилой дом, огородами и усадьбу. Приказчики обыкновенно получали до двух гектаров.

Со своего земельного надела охотник должен был «денно и ночью, когда потребуется, гонять гоньбу, государевых послов и посланников и гонцов встречать и провожать зимним и летним путем на подводах и санях». Если же стоял у реки, охотники должны были иметь лодки, — они становились гребцами и кормщиками.

Обычно охотникам отводилась «государева порожая земля», но если её не было, то «чья ни будь». Если на отводимой земле были крестьянские дворы, то они приписывались к яму. Доход от деревень поступал всем охотникам, и они сообща делили его между собой.

Выдавая слободу землею, строитель обязан был отмежевать её, чтобы между ямами не возникало споров.

Пашенная земля и сенокосы хоть и делились на каждого охотника, но в целом принадлежали слободе. Двор и дворовые постройки считались собственностью охотника, но если охотник «худал» и его отстраняли от гоньбы или он сбегал, то двор поступал в ведение слободы.

Очень редко охотники владели наделённой землёй сообща, как, например, в Псковской и Загорской слободах начала XVII в. Это обыкновенно бывало тогда, когда охотники не занимались сельским хозяйством, а всю землю сдавали и делили только доход, получаемый с неё.

Во главе ямской слободы стояли приказчик и староста.

Приказчик как представитель власти в слободе назначался правительством, староста выбирался ямскими охотниками.

Трудно точно разграничить функции старосты и приказчика. Староста отпускал подводы, он же вёл загоныные книги, но на подорожных ставил свою подпись приказчик. Староста, таким образом, ведал внутренним распорядком гоньбы, а приказчик выступал как официальный представитель слободы. Приказчик вместе со старостой судил ямских охотников, их детей, «дворников» и получал с них судебные пошанны.

В случае притеснений со стороны наместников и приказных, челобитные обыкновенно подавал приказчик, хотя жалобу от всей слободы мог подавать староста и даже отдельный охотник.

Приказчик большого яма иногда был строителем мелких ямов, расположенных на скрещивании дорог.

Обычно приказчик находился в каждой слободе, но были слободы, где он никак не уживался. «А двор приказчика пуст, — записано в одной из устроительных книг 1606 г., — и приказчика нет, а приказчикову землю разделяли меж себя».

Без приказчика слобода могла существовать, а без старосты — нет. Он был душой слободы, своим человеком и влиял на жизнь охотников гораздо сильнее приказчика.

Ямские охотники как члены ямской слободы пользовались рядом привилегий. Ни воевода, ни наместник, ни волостель (начальник волости), ни их тнуны (судьи низшей степени) не только не спрашивают у них «хорма», но не смеют даже прислать незваными гостями на праздник.

Охотники не платят основных налогов, а также пошам при продаже и покупке лошадей, не участвуют в натуральных повинностях. А если и платят кое-какие пошамы, например при жемтубе — «за выводную кунцу», то вдвое меньше, чем обыкновенный горожанин.

Охотник судился у приказчика и старосты даже в душегубстве. Провинился в чём-нибудь охотник в другом городе, — всё равно ни наместник, ни волостель, ни их тнуны охотника судить не могут, они должны представить его для суда в слободу. Только пойманный за разбой с поличным охотник судится у губного старосты (представителя местной власти). Да и то на суде должны присутствовать «для береженья» приказчик и ямской староста.

С жалобами местного населения на наместника в Москве считалась мало, если только наместник совершит вопиющее беззаконие. Совсем другое дело жалобы ямских охотников. При неладах с ямской слободой воевода или наместник получал из Москвы суровый наказ — разбирать жалобы немедленно.

Благодаря этим льготам создавалась буйная ямщичья воляница. В одной из грамот рассказывается, как ямские охотники подняли население Архангельска против воеводы Милоскова. В другой грамоте современник с сокрушением пишет, что охотники вместе с авто-

скими людьми и русскими «ворами» ограбили Тверской Желтиковский монастырь.

Однако все эти льготы не способствовали расцвету ямских слобод: ямы «худали», а ямщики «бежали разное» от гоньбы.

Проследим жизнь ямского охотника. На данную ему подмогу он обзавёлся лошадьми, ямщицким инвентарём, построил в слободе избу и надворные постройки. Начинается работа. Редкий день проходит, чтобы охотник не был в дороге. Правительство шлёт гонца за гонцом, «дут посыл, воеводы, наместники, тиуны, дьяки, приказные с различными поручениями, всем надо лошадей и «немешкотно». Порвалась сбруя, изломалась телега и сани, добрые лошади того и гляди падут. Охотнику надо обзаводиться новой упряжью, экипажами, покупать новых лошадей. А на какие средства?

На наделённой ему земле он работает урывками. Хорошо, если покосит сена для своих лошадей да соберёт для них овса и ячменя. А надо ещё прокормить и одеть свою семью.

Немного стоят и прогоны. За тройку платят по-прежнему 3 деньги за 10 вёрст, но прибавили плату охотнику—за перегон в 30 вёрст платят уже не 1,5 деньги, а 2. За выезд ямщик получает теперь 11 денег. Но ценность денег теперь снизилась чуть ли не вдвое.

Рубль конца XVI и начала XVII вв. равен уже 43 золотым рублям. Если раньше охотник на прогонные деньги мог купить около 130 килограммов ржи, то теперь всего лишь около 37 килограммов.

В сохранившихся до нас подорожных можно прочесть, что «ехать такому-то без прогонов», «давали бы подводы без прогонов». Поэтому охотнику не особенно приходилось рассчитывать на прогоны.

Оставался третий источник дохода — ежегодная помощь населению. Но оказывать помощь обременённому различными сборами населению было тяжело. Кроме того, эти затраты не освобождали население от натуральной повинности. Приезд какого-нибудь посольства, переброска тяжёлой кладь, оружия, денежной казны всегда требовал дополнительных подвод.

Поэтому население под всякими предлогами старалось уклониться от оказания охотникам ежегодной помощи. Охотники начинают

«худать». Чтобы вновь обзавестись инвентарём и купить лошадей, охотники приглашают себе в помощь товарища и уже вдвоём они гонят ямскую гоньбу. Имеются случаи, когда на одной земле живут не двое, а трое и даже четверо охотников.

Однако такое «сотоварищество» спасало охотников от нужды ненадолго. Несмотря на свой привилегированное положение по сравнению с бесправными крестьянами, многие из них шли обратно в деревню «на старину», другие уходили на промыслы, третьи считались «бездельно меж дворов», а некоторые и вовсе сбегали неизвестно куда. Ямы разваливались, и их приходилось строить заново.

ЯМСКАЯ ГОНЬБА ПОСЛЕ ПОЛЬСКО-ШВЕДСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

Д

о нас не дошло почти никаких сведений о ямской гоньбе за период с 1605 по 1612 гг. Возможно, что при Ажедимитрии I и при царе Василии Шуйском (1606—1610 гг.) на некоторых дорогах ещё существовали ямы.

Известно, что когда осенью 1611 г. русский народ поднялся против польских интервентов, то между городами началась оживлённая переписка. Но ни в одном из дошедших до нас документов не сказано, чтобы эти письма, а потом и распоряжения о действии ратного народного ополчения, выступившего под начальством Минина и Пожарского на освобождение Москвы, доставлялись охотниками — везде говорится только о специальных гонцах.

Анхолоетье, как называли период польской интервенции московские летописцы, тяжело отразилось и на ямском строении. Ямская гоньба порвалась. Если и оставались ещё на ямах охотники, то они не могли заниматься гоньбой, поскольку не работали соседние ямы.

После изгнания польских интервентов в начале царствования Михаила Романова (1613—1645 гг.) из разных концов государства были получены известия о ямском неустройстве.

Судя по сохранившимся с тех времён приказам стройщикам, ямы строились и возобновлялись «по старине». Однако в устройстве ямской гоньбы вскоре обнаруживается нечто новое. В наказе о возобновлении псковского яма от 1624 г. говорится, чтобы ям устроить по-прежнему, как было в старину. Но в нём наряду с правом населения содержать ямщиков¹⁾ предлагался другой способ сбора подмоги: не самими ямщиками, а казной. Выбор между двумя этими способами уплаты подмоги предоставлен населению.

На содержание ямщиков казна взимала особый сбор с населения, который включал все прежние расходы по ямской гоньбе, т. е. единственную и ежегодную подмогу ямским охотникам. Из собранной суммы ямщикам выплачивалось жалованье, а остальные деньги поселялись в Ямской приказ. Так была введен повышенный сбор денег.

Позднее правительство распорядилось, чтобы все собранные деньги сначала посмывались в Ямской приказ, а уже оттуда выдавалось жалованье ямщикам, но в конце концов была оставлен прежний порядок взимания сбора. Были представлены разительные факты волокиты, о чём свидетельствует резолюция на челобитной: «И по нашему, великого государя, указу козымодемьянским ямщикам Самошке Дегтяреву с товарищами наше великого государя денежное жалованье на прошлый год по окладам их велено дать, и впредь по вся год давать без московские волокиты».

Выдача жалованья ямщикам сразу превратила ямского охотника из наёмного обществом лица в государева служащего. Переходя в

¹⁾ С 20-х годов XVII в. в государственных актах ямские охотники начинают называться ямщиками, причём этому наименованию уже не придаётся того значения, какое оно имело в XV в., т. е., когда ямщик зависел от яма.

слободу, охотник уже целиком зависел от неё, а с населением он мог не вступать ни в какие отношения. Он становился членом особого сословия — «государевым ямщиком».

И вот, несмотря на то, что служба была ещё очень тяжела, ямские слободы начинают расти.

Раньше, если охотник умирал или сбегал, то на его место нового охотника обязано было выбирать население. Иначе стало при новых порядках. Умер ямщик—слобода заботится, чтобы найти на его место нового, бежал — уже не правительство, а слобода поднимает вопрос о его розыске. И правительство всячески помогает в этом слободе.

Беглых ямщиков разыскивали всевозможными путями и возвращали в те слободы, откуда они бежали. Ямское дело считалось столь нужным, что беглых ямщиков возвращали даже из стрельцов.

Слобода начинает предъявлять свои права не только на ямщика, но и на его семью. Если после умершего ямщика оставался малолетний сын, то слобода старалась, чтобы гоньбу вел ближайший его родственник, пока мальчик не подрастёт. Женится кто-нибудь на вдове ямщика, жители слободы стараются поселить в слободе её нового мужа.

Постепенно население освобождалось от обязанности выбирать ямщиков, правительство само их приглашало.

Расширившиеся пределы государства требовали устройства ямских путей в тех местах, где было по десятку человек на сотни километров. В такие места ямщики переводились из других слобод. Так организовались, например, слободы на окраинах новых городов и в Сибири. Затем постепенно эта практика распространилась и на многонаселённые области.

К этому времени ямские сборы возросли во много раз. Вызвано это было рядом причин и в основном—развитием ямской гоньбы.

Основной ямской сбор назывался «большими ямскими деньгами» или, точнее, —«государевы ямские деньги московским и разных городов охотникам на жалованье и прогоны». Параллельный же десятирублёвый сбор назывался «малой ямщиной» —«ямские деньги ямским охотникам на подногу и прогоны».

Правительство очень неохотно освобождало от уплаты ямских сборов. Обычно на льготных грамотах делалась специальная приписка «помимо ямских денег». Единственной льготой, которая давалась при уплате ямских денег, — это право платить их непосредственно в Москву, в Ямской приказ, а не местным сборщикам. Этой льготы усиленно добивалось население — уж очень туго приходилось ему от сборщиков на местах. Собирая ямские деньги, сборщики иногда доводили крестьян до полного разорения. Известны случаи, когда от притеснений при сборе ямских денег разбегались жители целых деревень. Обычно на жалобы населения правительство отделывалось отпиской, что ямские деньги надо платить только согласно окладу и не следует обещать что-либо сборщикам.

Из Москвы посылались сборщикам напоминания, чтобы они заставляли население платить все сборы в срок, ни на один час позднее. В случае же неплатежа приказывалось: «бить батоги и сажать в тюрьму, а из тюрьмы выносить, бить на правеже нещадно, понамест они государевы ямские деньги заплатят».

Трудно узнать, сколько собиралось ямских денег. Известно, что в 1680 г. по Ямскому приказу денег значится 28 815 руб., а ямщикам следовало выдать свыше 35 000 руб. Правительству, видимо, приходилось с введением нового порядка оплаты ямской гоньбы заимствовать средства из других источников.

Введя большой ямской сбор, правительство не освободило население от подводной повинности. Если нехватало лошадей на яму (обыкновенно при перевозке воинских грузов), население обязано было давать подводы. Только теперь при сборе подвод предварительно указывалось, со скольких дворов брать подводы и их количество.

НОВЫЕ ПОРЯДКИ В ЯМСКОЙ СЛОБОДЕ

После установления новых порядков ямские слободы стали шириться и богатеть. Гоняя гоньбу, ямщики одновременно занимались различными промыслами и торговлей: пекли пироги и торговали ими, били скотину на продажу, шорничали, чинили телеги и сани. Реже ямщики занимались сельским хозяйством. Обычно они сдавали свою землю за деньги и за хлеб или обрабатывали её наёмным трудом.

Слободы были самых различных размеров в зависимости от важности тракта и значения населённого пункта, при котором они находились. В юго-восточных областях слободы имели по 10—20 земельных наделов, а в центральных уездах — от 60 до 100 наделов; напри-

Двор почтовой избы в XVII в.

мер, 10 наделов было в Козьмодемьянской слободе. Внешний вид слободы не изменился. Посредине её находилась ямской двор, который состоял из нескольких изб. Самая большая изба отдавалась приезжающим, а в остальных жили «дворники» и дьячок-письмоводитель. Рядом с избой находились сенишки, амбары и конюшни, и всё это было обнесено забором или плетнём. Строения в слободе стали лучше, люди селились здесь уже надолго, а не так, как прежде, когда охотник больше заботился о своём старом дворе, чем о слободском.

Жалование ямщикам не было строго определено и колебалось в зависимости от места нахождения ямов. Стремясь возможно скорее наладить ямскую гоньбу, правительство в отдельных случаях платило ямщикам жалование до 40 руб. в год.

Но эту сумму государству трудно было выплачивать, и больше о таком жаловании не упоминается. В первой половине XVII в. оклад устанавливается от 10 до 15 руб. и затем повышается до 20—25 руб.

в год. Псковские и новгородские ямщики, которые получали 25 и 30 руб. в год, должны были иметь не три, а четыре лошади.

Ямщики по-прежнему получали прогоны. Величина прогона, несмотря на очень большое падение цены денег, осталась прежней: 3 деньги за 10 вёрст и то не всегда. От Нижнего до Владимира за 220 верст ямщик получал прогонных денег 7 алтын, и те же 7 алтын ему давали за 110 вёрст от Нижнего до Арзамаса.

Кроме гоньбы, ямщики занимались частным извозом. Однако провозный не по «государевой надобности», без подорожной не имел права требовать лошадей, а должен был договариваться с ямщиками.

Приказная система требовала пересылки громадного количества бумаг. Из Москвы посылались в провинцию указы, приказы, напominания, а оттуда поступали отписки и челобитные. Часто ездил лиц с специальными поручениями, этих лиц сопровождали стрельцы, приказные и другие. Нужны были подводы и для пересадки должностных лиц, посылаемых в области. Наконец, много подвод использовалось для посольских поездов, которые в связи с развитием межд. ародных отношений начали часто посещать Москву.

Ямская гоньба тяжёлым бременем ложилась на государственный бюджет.

Решено было любыми средствами сократить ямские расходы. Экономили, где только можно: назначали прогоны не всем ямщикам, часть пути заставляя оплачивать посланных лиц, — и пользовались любой возможностью, чтобы не платить прогоны совсем. В подорожных писали: «самое скорое дело», «государево спешное дело», «государево тайное дело», и подводы в этих случаях посылались без прогонов. Приказные чиновники всякую бумагу старались приурочить к одной из этих категорий.

В специальном постановлении 1627 г. было указано количество подвод для каждого проезжего. Раньше боярин или важный духовный сановник, пользуясь своей властью, мог забрать с яма чуть ли не всех лошадей, теперь количество подвод давалось в зависимости от сана, родовойности, от служебного положения посланного и было строго регламентировано. В этот указ, целью которого было упорядочить ям-

Приказная изба XVI—XVII вв. С картины художника А. Иванова

ское дело, вносились небольшие изменения в разные годы, но в основном им руководствовались до конца XVII в.

Несмотря на ряд принятых мер, размах гонимы всё же был большой. Так, в приписке к указу говорится, что наславскому царевичу Василию Арслановичу давать по 30 подвод.

Необходимо было сократить количество гонимых подвод. По указу 1649 г. было предписано не гонять гонцов из-за маловажных дел, а для посылаки бумаг ждать гонцов из других городов и соединять вместе посылаемые бумаги. Из Москвы предписано было посылать бумаги только после предварительной договорённости слобод, чтобы в один и тот же пункт не направлять двух или даже нескольких гонцов. Этим же указом запрещалось давать подводы тем посадским, уловальникам и неслужилым людям, которые ехали в Москву по своим делам, а зводно привозили различные правительственные бумаги.

В XVII в. жизнь в ямской слободе строилась не по грамотам, а по указам. Грамота посылалась только определённому яму, а указ давался всем ямам для неуклонного исполнения. Различия между этими видами управления не было, так как содержание грамот было почти одинаково, а указы повторяли положения грамот.

Указ появлялся обычным путём — «государь велел и бояре приговорили...» Затем из боярской думы указ посылался в Ямской приказ, где его записывали в Указную книгу, которой затем руководствовались при управлении ямской гоньбой. Однако старые грамоты ещё долго имели силу. Ссылаясь на них, ямщики отстаивали свои льготы, и правительство, несмотря на указы, иногда противоречившие грамотам, шло на уступки. Был такой случай. Верхотурских охотников заставляли ездить в любую погоду. Они запротестовали, ссылаясь на свою уставную грамоту, по которой им дано право не давать подвод в осеннюю и в весеннюю распутицы. В Москве было предписано сыскать ту грамоту и справиться, верно ли утверждение ямщиков, а пока не требовать с них подвод в распутицу, только «скормых» гонцов везти «без задержанья».

Во главе слободы по-прежнему стояли приказчик и староста.

Однако значение приказчика всё уменьшалось, и в 1679 г. его должность была уничтожена совсем. Слободой, как и всей областью, стал веждать местный воевода.

Вмешательство воеводы в дела ямщичьи началось намного раньше. Прежде охотник, получая подмогу от населения, почти совсем не зависел от заместника и сменившего его воеводы, а теперь, получая жалованье от казны, он был от него зависим. Кончалась самостоятельность ямских слобод, и они постепенно начали превращаться в обычные тягловые слободы, т. е. слободы, платившие подати.

До нас дошло много сведений о самоуправствах воевод в ямских слободах. Псковские воеводы, например, брали силой подводы у ямщиков и не платили за них никаких прогонов. Касимовский воевода Алексей Кондырев не удовлетворился тем, что чинил охотникам «многие налоги и обиды, бил и увечил, требуя подводы», а однажды пошёл на слободу с вооружённым отрядом и разорил её.

Воронежский воевода, если ямщики были в разъезде, «справна подводы на ямских женах», т. е. заставляла жён заменять мужей.

Взятые подводы воевода задерживал очень долго.

Несмотря на множество злоупотреблений, некоторые слободы богатели и правительство начало облагать их налогом.

Ямские слободы, раньше не платившие налогов, заволновались. В Москву были посланы челобитные с указанием на старые ямщичьи льготы. Правительство частично пошло на уступки. По указам 1663, 1670 и 1689 гг. с московских слобод, «которые торгуют в ямских торганах», приказано было брать по 50 руб. с земельного надела, с нижегородских и ярославских слобод — по 10 руб. с надела, с касимовских слобод — по 5 руб. с надела и т. д. Постепенно без специальных указов стали отбираться у ямских слобод их особые права.

Однако всякие случайности, злоупотребления воевод, бегство отдельных охотников — всё это не очень влияло на экономически окрепшую ямскую слободу. В XVI в. слобода в 10 земельных наделов переставала существовать, если выбывало несколько охотников или падали лошади. Во второй половине XVII в., когда такая же слобода спореда целиком, все ямщики остались на месте и лишь просили пособия, чтобы вновь выстроить дворы.

В конце XVII в. многие слободы становятся наиболее богатыми сёлами в округе. Ямщики, пользуясь налоговыми льготами, занялись торговлей. Ямскую гоньбу они перекладывали на бедных ямщиков и шаймших людей. Например, ярославские ямщики были известны как крупные торговцы хлебом и мукой, нижегородские ямщики возбуждали зависть горожан своим хозяйством и торганами. Очевидно, как ни тяжела была ямская служба, она всё-таки оказывалась легче обычных податей.

По своему общественному положению ямщики составляли особое сословие. По Соборному уложению 1649 г. царя Алексея Михайловича¹⁾ они были выше обыкновенных крестьян: так, за бесчестье

¹⁾ «Памятник русского права», вып. 6. М., Госиздат, 1957.

крестьянина полагалось взыскивать рубль, а за бесчестие ямского охотника — 5 руб.

Летом ямщик выезжал на небольшой телеге, запряжённой в одну лошадь, зимой — на санях, запряжённых в одну или в несколько лошадей (гусем). Ямщик садился обыкновенно в ноги у пассажира, а проводники — верхом на лошадей. Подъезжая к яму, ямщик оглушительно свистел, возвещая о своём прибытии и требуя подводу на смену. Наряд ямщика состоял из зипуна лазоревого или синего цвета, кушака и шапки с красным или вишнёвым верхом. В зимнее время поверх зипуна надевался тёплый кафтан. Выездная одежда ямщика в одном судебном деле 1628 г. расценена так: «зипун лазоревый — 2 руб. 50 коп., шапка вишневая с пухом — 1 руб. 50 коп.; кушак бумажный с ножнами — 50 коп., кафтан шубный полусуконный подлазоревый — 2 руб. без гривен».

Экипаж и упряжь ямщика не отличались красотой и удобством, но зато были прочны. Одолеть дорогу тех времён могла только крепко «сшитая» деревянная телега, а если она и сломается — слезет ямщик, достанет топор и тут же в лесу вырубит новые ось и чёку.

Несмотря на тяжёлые дороги, ямщики должны были ехать быстро. Лошади недолго выдерживали такую гоньбу. «Сходит дважды или трижды а впрёдъ и не будет», — жаловались ямщики. Ямщикам иногда удавалось получить по 5 руб. за павшую лошадь.

Каждая слобода имела клеймо, которым метилась лошади слободы. Называлось оно «государево казенное пятно». Так, на Бронницком яму клеймо изображало волка, на Залчевском яму — зайца, на Крестецком — летучего змея, а на Язбелуцком — даже слона.

ЯМСКАЯ ГОНЬБА В СИБИРИ

В

Сибирь ямская гоньба строилась с некоторыми местными особенностями. Земля за «Камнем» (Уралом) была известна русским задолго до прославленного Ермака. Из летописей мы знаем о походах в Югорскую землю (нижнее течение Оби) удачных новгородских ушкуйников (в 1187, 1193 гг.).

Регулярные сношения с Сибирью стали возможны после разгрома Казанского ханства при Иване IV (1552 г.), когда освободился Волжско-Камский путь за Урал.

С середины XVI в. Московская Русь получила возможность торговать непосредственно с Западной Европой. Решающее значение

при этом имело открытие морского пути в Россию (1553 г.) и создание русского торгового порта сначала в Ругодиве, а затем в 1585 г. — в Архангельске. К неизменному спросу Востока — Хивы, Бухары, Персии — на «мягкую рухлядь» (меха) прибавился всё возрастающий спрос западных стран. Русским промышленникам пришлось предпринимать походы вглубь Сибири для открытия новых «соболиных мест».

После завоевания Сибири московское правительство старалось привлечь к ямской гоньбе местное население. Так, например, между Тюменью и Верхотурьем гоняли гоньбу вогулы. Однако вогулы возмани недолго и подали челобитную об освобождении. Жаловались не одни вогулы. И вот в ответ на жалобу татарина князя Епанчи и его рода приказано было ответить, что местное население освобождается от подводной повинности. Это не было только обещанием — правительство решило устроить ямы по сибирским дорогам.

В этот период в Московском государстве население само выбирало охотников и давало им подмогу.

Однако содержать охотников местному населению было не под силу. Очень нужна была ямская гоньба, но ещё нужнее и дороже — меха, которые доставляли местные жители. Поэтому правительство всячески внушало сибирским чиновникам, чтобы они берегли «людей сибирских и ласку и привет бы к ним держали и их ничем не жесточили». Такой наказ был дан из Москвы в 1600 г.

В первый сибирский ям в Верхотурье (1599 г.), а потом и во все остальные ямы охотники были набраны, или, как тогда говорили, — «выклянканы». Набирали охотников в разных городах Европейской России — в Устюге Великом, Сольвычегодске, Перми, Соликамске и других.

Ямщиков приказано было набирать с жёнами и детьми из вольных людей, а не из крепостных. Охотникам давали по 5 руб. на человека. Кроме того, они получали для переезда от 2 до 4 подвод. На месте охотнику тоже давали подмогу и кое-какие льготы, например верхотурские ямщики были освобождены на три года от платежа долгов. Так построены были почти все ямы в Сибири.

Первое время сибирским ямщикам жилось неплохо. Установили им хороший оклад. Например, верхотурские ямщики получали в начале XVII в. по 20 руб. и по 12 четвертей—т. е. по 18 центнеров—ржи и овса в год. Земельные наделы тоже были большие. Так, у тюменских ямщиков земель было от 22 до 30 гектаров.

Но это благополучие длилось недолго. Прежде всего, изменился размер жалованья. Его начали снижать из года в год, и уже к двадцатым годам XVII в. ямщикам платили только 7 руб. в год и совершенно прекратили выдачу хлебного довольствия. Ямщики начали разбегаться, и вот в Верхотурье вместо нужных 50 охотников осталось только 39.

Правительство вынуждено было все последующие годы прибавлять ямщикам жалованье. В конце XVII в. сибирские ямщики получали по 28 руб. в год, но они уже никогда не добились получения хлебного довольствия да и эти деньги были куда меньше 20 руб. начала столетия.

Огромные расстояния и полнейшее бездорожье делали езду по сибирским просторам очень тяжёлой. Однако гоньба возрастала с каждым годом как по количеству выставляемых подвод, так и по числу вёрст пути. В 1621 г. ямщики верхотурского яма возили на протяжении 1850 вёрст, а в 1660 г.—уже на протяжении 2600 вёрст; тюменские ямщики вначале ездили только по двум дорогам — в Тюмень и Верхотурье, а в 1648 г. — уже по пяти дорогам.

Довольно скоро были урезаны и свободы ямской слободы.

На многочисленные жалобы ямщиков правительство отвечало крайне редко. Правда, для Сибири было выработано специальное положение о том, кто из должностных лиц (в зависимости от его сана и знатности) мог требовать ямских лошадей и сколько. Но едва ли это указание фактически облегчило положение ямщиков. Ведь военный мог потребовать любое количество подвод.

В начале XVII в. был издан указ о количестве ямщицкой кавальи, что было особенно важно для сибирских дорог, где часто лошадь еле брела и порожняком. В указе говорилось, что в зимнее время никто не имел права заставить ямщика класть на подводу более 15 пудов.

Летом на подводу без седока можно было класть не более 4 пудов. Если седок садился на подводу, то он мог взять только «панчу» (широкий безрукавный плащ) да еды, «чем сыту быти». Но этот указ не выполнялся. Судя по жалобам ямщиков, служилые люди нагружали телегу или сани вдвое и втрое против установленной нормы и не позволяли взвешивать кладь. Дело доходило до воеводы, но он редко становился на сторону ямщиков.

МИРСКИЕ ОТПУСКИ

Мы говорили до сих пор только о «стройной гонимбе» т. е. о гонимбе от яма до яма, которые бывали устроены (отсюда «стройная») правительством. Но в ряде местностей, начиная со второй половины XVI в., встречается другая форма ямской гонимбы. Население само без помощи правительства организует некоторое подобие «стройной гонимбы». Эта форма подводной натуральной повинности, отбываемая населением для правительственных надобностей, называлась мирскими отпусками.

Трудно объяснить, почему московское правительство по одним дорогам устраивало ямы, а на других дорогах самому населению доверяло перевозку правительственной почты, влады и служилых людей.

По дорогам, ведущим к границе, по которым часто перевозились важные документы и где больше было знатных проезжих, само правительство строило ямы и зорко следило, чтобы гоньба не прерывалась. По дорогам, где меньше шло бумаг, а перевозились правительственные грузы, организовывались мирские отпуска. Так было в Перми, Сольвычегодске, Соликамске, т. е. на главных путях транспортирования казны с севера. Были и другие причины. Мы уже упоминали, как часто, особенно в XVI в. «рывалась» гоньба, ямщики разбегались и ям пустел. Иногда, несмотря на все усилия, восстановить ям так и не удавалось. Тогда правительство вводило здесь мирские отпуска, как это было в Можайске, Владимире, Арзамасе и др.

Со второй половины XVI в. на дорогах, где не было ямов, поному организуется перевозка правительственных грузов. С местных жителей собирается особый сбор — с каждого земельного надела. Собранные деньги считаются мирскими ямскими средствами, на которые волостные старосты нанимают подводу, сколько требуется. Скоро деньги начали собирать сообща не только по волостям, но и по целым уездам. На нанятых подводах возил только в пределах своей земли, а если заезжали в чужой уезд, то только для того, чтобы доставить путника или кладь до ближайшего жилья. Но скоро выяснилось, что так возить неудобно. Приходилось менять подводу в пограничной деревушке, где не было лошадей и куда нужно было их посылать за оставленной там кладью или проезжим за несколько десятков вёрст. Поэтому население соседних уездов решило не оставлять кладь на границе уезда, а везти её дальше по чужой земле до какого-нибудь крупного центра, а часто даже и до места назначения. В конце года или в заранее намеченные сроки подсчитывали, сколько, когда и какое количество вёрст проехали подводы по чужой земле, и производили соответствующие расчёты. Велась особые книги, в которых записывалось количество подвод и денежные расходы по их найму.

Если между уездами возникал спор, вмешивались местные правительственные органы или посвода, которые и разбирали спорное дело. Недовольная сторона могла жаловаться в Москву.

Для сбора мирских ямских денег отпускал лошадей земский староста. Он собирал их определённое количество с каждого земельного надела, и все они съезжались в посад. При отпусках состоял и целовальник, который давал на ямские расходы нужные средства из сошных денег. Очень часто при такой организации гонимы происходили недоразумения. Подводы, особенно из отдалённых мест, как правило, запаздывали, а лошадей для проезжающих или под государеву канцель требовалось достать немедленно. Тогда староста брал у целовальника сошные деньги и нанимал подводу. Случалось, что у целовальника не было наличных денег. Приходилось искать денег взаймы с уплатой больших процентов.

У земского старосты и целовальника было много и других дел, поэтому наблюдение за мирскими отпусками поручали ямскому старосте, при нём для подсчётов находился ямской дячок.

Ямской староста собирал с сошных людей деньги. Собранные деньги записывались в книгу. Особые книги велись и по разгону лошадей. Каждый год ямской староста и дячок отчитывались перед «лучшими людьми» в присутствии воеводы, у которого хранились мирские ямские деньги.

С воеводами местное население редко уживалось. Постепенно оно отстраняет воевод от мирских отпусков, которые передаёт в ведение головам.

Голова, приехав на место назначения, брал оставшиеся после расходов деньги, принимал инвентарь и объявлял о новых выборах ямских старост. Затем голова вместе с вновь выбранными ямскими старостами и целовальниками собирал деньги с посадских людей и с уездных крестьян. После окончания года голова отчитывался перед Ямским приказом в расходовании отпускных денег. Копии с отчётными записями и оставшиеся деньги он оставлял в таможенной избе для передачи новому голове. Таким образом, голова лишь руководил сбором ямских денег и участвовал в их распределении, всем остальным делом ведал ямской староста. Он заведовал мирскими отпусками, нанимал подводы, отпускал их по подорожным, покупал суда и инвентарь.

За тем, как староста расходует ямские сборы, строго следил годовла и представитель ямской слободы. Старосте предписывалось при покупке инвентаря или при найме людей звать целовальников, чтобы покупка мирским людям была известна. При покупке он должен был брать соответствующие «отписи». Староста вписывал в книги имя нанятого человека, его отчество, прозвище, волость и деревню, где тот жила.

Некоторые уезды были настолько велики, что требовалось устройство промежуточных ямов, где выбирались свои ямские старосты, подчинённые уездному ямскому старосте. Так, в Сольвычегодском уезде было три промежуточных яма — Алаьский, Иальинский и Спасский.

Подрядчики, которые стояли во главе промежуточных ямов, держали гоньбу по определённым дорогам и за это получали деньги от ямского старосты. Иногда подрядчики были выборными лицами. В глазах ямщиков и населения подрядчик был ямским старостой. Так и он называл себя. Действительно, подрядчик исполнял все функции ямского старосты, иногда даже собирал сошедших лошадей.

В глухих уездах, где гоньбы было мало, по-прежнему подводы выставляли по мере надобности. Гоньбой здесь заведовали земские старосты, а в монастырских землях — монастырские приказчики.

Однано различие в организации мирских отпусков только кажущееся. По существу мы видим одну и ту же форму, но в разных фазах своего развития; историческая преемственность этих форм несомненна. В местах, где гоньба была сравнительно невелика, населению не было оснований отходить хоть от тяжёлого, но привычного способа — доставки лошадей по мере надобности. С увеличением гоньбы трудно и невыгодно было оставаться при прежних порядках, и вот вместо натуральной повинности с населения собирают сборы на ямскую гоньбу и выделяют специальное лицо для заведывания ею.

Мирские отпуски обходились в иных местностях очень дорого, и других — гораздо дешевле. Годовой расход по мирским отпускам составлялся из расходов по покупке и оснастке судов, по покупке сбруи, экипажей, сёдел, наймной платы кормщикам, гребцам, ямщикам, проводникам, жалованья таможенному голове, ямскому старосте, дячку,

«дворнику» и т. д. Эта смета раскладывалась по сохам, тут же по особым спискам назначались очереди, кому выставлять сошных лошадей для дальних поездок и в случае экстренных надобностей. Например, в Сольвычегодске в 1642 г. собиралось с сохи мирских ямских сборов по 120 руб. — всего было собрано 1693 руб. 15 алтын 3,5 деньги и из них израсходовано 1505 руб. 11 алтын 4 деньги, в этом же году населением отпущено 587 лошадей.

Между уездами часто возникали споры и недоразумения из-за счетов или из-за того, например, что в яму соседнего уезда не переменили лошадей. Иногда имели место прямые злоупотребления: брали лошадей с ямы и не возвращали их. Целовальники, приехавшие для расчёта в другой уезд, уезжали из ямского двора и забирали оттуда книги, чтобы не было возможности доказать задолженность по мирским отпускам. Таким образом, мирские отпуска были источником разного рода пререканий и нескончаемых судебных дел.

Правительство то и дело привлекало спорящие стороны для решения возникающих конфликтов. Однако уничтожить совсем мирские отпуска и заменить их стройной гоньбой у государства не хватало средств.

Когда были ликвидированы мирские отпуска, сведений нет, но в документах конца XVII в. ещё упоминается о спорах по расчётам между уездами.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПОЧТЫ

Я

мская гоньба сыграла большую роль в развитии жизни страны. Благодаря ямским учреждениям была установлена тесная связь между вновь присоединёнными областями северо-восточной Руси. Ямские станции предоставляли дешёвые средства сообщения и способствовали быстрой передаче сведений из всех областей государства. Однако громоздкое ямское учреждение перестало удовлетворять даже правительство, не говоря уже о частных лицах, которые не пользовались ямской гоньбой для пересылки сообщений. Кроме того, выросший торговый капитал и зарождавшаяся промышленность России также не могли существовать без постоянной связи.

И вот во второй половине XVII в. параллельно с ямской гоньбой возникает новый вид связи.

В 1659 г. был издан правительственный указ, по которому было приказано поставить между Москвой и Путивлем трубников. Трубники должны были «от Москвы до Путивля с государевыми грамотами и на Путивля к государю в Москву с отписками ездить от стану до стану наскоро». Но это учреждение действовало крайне неаккуратно. Пришлось послать подьячего, чтобы он наладил дело. Дали ему для улучшения доставки корреспонденции 12 конюхов и 48 лошадей. В 1668 г. на дороге между Москвой и Севском были установлены станы. На каждом стане поселяли по два пристава, каждому из них дали по 4 лошади.

Ямщикам стали всё реже поручать доставку посылок и писем особой важности. Их стали возить доверенные люди, которым Ямской приказ выдавал особые подорожные. Для экстренных распоряжений выделялись особые «нарочные поставщики» и «скорые гонцы».

Развивающиеся торговые связи между Московским государством и Западной Европой также требовали установления регулярных сношений. Нужна была почтовая связь и правительствам западных стран, чтобы своевременно знать, что делается в Московии.

В это время московское правительство получило проект организации почты от Юрия Крижанича. Это один из интереснейших учёных и писателей, работавших в России во второй половине XVII в. Для нас представляет интерес первая часть его трактата «Разговоры о владетельству», т. е. беседы о государственном управлении. В этом трактате он даёт совет, как устроить почту, и подробно говорит об «установных гонцах».

Московское правительство понимало всю важность и необходимость организации сношений с заграницей. Например, в Кардисском мирном договоре между Россией и Швецией (1661 г.) имеется специальный пункт об организации сношений между двумя этими странами. В статье 17-й пункта говорится: «Гонцы, которых с обеих сторон бояре, и воеводы, и генералы, и губернаторы с листами друг к другу посылать будут, должны свободно и безопасно и без задержа-

ния везде приезжать и отъезжать и листов у них нигде не отнимать и не читать, а, где случится им ехать мимо войск, и им в проезде помогать».

Русским торговцам очень не нравились приёмы иностранных купцов, удачно пользовавшихся «вестями и грамотами» во время торговли. Купцы в своей челобитной 1646 г. рассказывают, как, понадеявшись на высокую цену шёлака-сырца в прошлых годах, они купили весь запас шёлака в надежде выгодно перепродать его немцам. Но на европейском рынке тем временем цены на шёлак упали, и немцам, узнав об этом по «скорым вестям и грамотам», не только не купили ни одного тюка, но ещё и насмелялись над купцами.

Годом возникновения международной почты в России можно считать 1665, когда московское правительство заключило договор с голландцем Ван-Сведеном на организацию почтовой связи с заграницей. Из текста договора известно, что на расходы ему даётся «500 рублей, да соболей на 500 рублей в год».

В дальнейших приказных выписках говорится, что Ван-Сведен организовал почтовую связь «своими людьми и на своих лошадях» даже не за 1000 руб., а за 1200 руб. в год. Сумма эта была по тому времени громадной, примерно 20 400 золотых рублей начала XX в.

Устройство почтовых сношений на тысячвёрстном пути представляло большие трудности, и московское правительство не поспунилось, ибо понимало всю важность организации государственной почты. Корреспонденция по почте Ван-Сведена пересылалась только между Москвой и Свейским рубезом, т. е. Ригой. При этом перевозилась не только казённая корреспонденция, но и частные письма. Но почта Ван-Сведена была плохо организована, и заграничные корреспонденты предпочитали посылать в Москву письма с особыми гонцами.

Истинным устроителем русской почты справедливо считают Афанасия Лаврентьевича Ордын-Нащокина. Это был один из интереснейших деятелей эпохи царя Алексея Михайловича. Сын мелкопоместного дворянина Псковского уезда, он получил хорошее образование, был очень начитан, знал математику, латинский и немецкий языки, а за время своей службы изучил и польский язык.

Организатор русской го-
сударственной почты
А. А. Ордин-Нащокин

Молодой Нащокин стал быстро выдвигаться из толпы приказных ещё при Михаиле Романове и его не раз назначали в посольские комиссии. В начале царствования Алексея Михайловича Ордин-Нащокин был уже видным человеком. В 1658 г. он очень удачно заключил Валяесарское перемирие со Швецией, а позднее оказал своей родине очень важную услугу, когда после восьмимесячных дипломатических переговоров заключил в январе 1667 г. Андрусовское перемирие с поляками, поразившее не только русских, но и иностранных дипломатов. По этому перемирию Россия получила обратно не только Смоленскую и Северскую земли, но и Киев с округом. По возвращении

Ордын-Нащокин был назначен главным управителем Посольского приказа с небывалым до той поры громким титулом «Царский большой печати и государственных великих посольских дел обергегатель», т. е. он стал государственным канцлером.

Находясь на службе, Ордын-Нащокин старался ещё больше укрепить торговые сношения с Персией, Хивой и Бухарой, снаряжал посольство в Индию. Но он не ограничивался только вопросами внешней политики, его острый ум чувствуется во многих начинаниях московского правительства. Во внутренней политике Ордын-Нащокин делал ставку на торгово-промышленное сословие. «Дело в промысле, — писал он, — а не в том, что людей много; и много людей, да промышленника нет, так ничего не выйдет».

Этот сторонник развития торговли и промышленности уделяя большое внимание организации почты. В одном из своих писем к царю Алексею Михайловичу Ордын-Нащокин писал о почте: «Это великое государственное соединительное дело впредь к умножению всякого добра царству московскому будет».

В трактат об Амарусовском перемирии Ордын-Нащокин внес пункт об организации постоянной международной почты.

Необходимость её организации объяснялась частыми сношениями московского правительства с польским.

Почта, по мысли Ордын-Нащокина, должна проходить через местечко Кадин, лежащее на рубеже Мстиславского воеводства; посылалась почта один раз в неделю. Можно было посылать не только правительственную корреспонденцию, но и торговую. «Начальник над почтою» в Кадине немедленно передавал её в местечко Мигновичи, находящееся уже в русских владениях в Смоленском воеводстве. Мигновичский «начальник над почтою» отсылал её через Смоленск в Москву. Так же корреспонденция пересылалась и обратно.

В заключение пункта договора упоминалось, что за пересылку деловых писем торговые люди должны платить, как это делается в других странах. Письма, посылаемые по почте, почтари должны были записывать. Таким образом, в договоре говорится о необходимости почты не только для государства, но и для торговых людей.

Крытая почтовая повозка XVII века. С картины художника В. Владимирова

Правда, торговые люди, особенно иностранцы, уже пользовались почтой Ван-Сведена; известно, что они платили за пересылку письма по 2 алтына с золотника. Правительство знало о посылке частных писем, но протестов не заявляло, хотя по договору 1665 г. оно вправе было запретить пересылку частной корреспонденции.

Ордын-Нащокин не сразу наладил почтовую связь между Москвой и Польшей. Видимо, он не очень доверял Ван-Сведену. Предполагают, что иностранные торговцы, войдя в соглашение с Ван-Сведеном, посылали в пакетах драгоценности: жемчуг, золотые вещи, драгоценные камни — и тем самым обкрадывали государственную казну. По этой или по какой-нибудь другой причине, но Ван-Сведен новой почтовой линии не получил, и она, по предложению Ордын-Нащокина, была отдана в 1668 г. Леонтию Марселанусу.

Встревоженный слухами о неожиданном конкуренте, Ван-Сведен немедленно подал царю челобитную. В ней он напоминал, что три года держал почту «по чести». Ван-Сведен заявил также, что он согласен получать на 200 руб. меньше, чем раньше. При этом Ван-Сведен не

настаивал, чтобы ему было предоставлено право пользоваться ямскими лошадьми. Но если, говорил он, царь разрешит ему использовать для его почты ямские учреждения, тогда он согласен взять жалованья всего 400 руб. в год. За эти деньги он будет держать почту и на Ригу и на Вильну и отправлять её не раз в две недели, а каждую неделю.

Марселлус, в свою очередь, сообщал, что отказывается от всякого жалованья, полагаясь на государеву милость. При этом он прибавил, что дело его по указу государеву уже начато и даже почта готова к отправке. И в заключение сказал, что у него «золотым червонным и ефинкам и жемчугу, и дорогому камению тайного провозу не будет». Ван-Сведену пришлось уступить. Но на другой день Ван-Сведен заявил в Тайном приказе, что он просит не закрывать его почты на Ригу. Он соглашался держать её на свои средства, лишь бы ему позволено было принимать и доставлять письма торговых иноземцев. Мотивировал он свою просьбу тем, что у него много служащих, нанятых на срок, и что он им уже роздал задатки. Договор с ним, снисходя к его прежней службе, не расторгая, но по предложению Ордын-Нащокина указано было торговым людям посылать письма и посылки только с почтой Марселлуса.

Ван-Сведен в 1668 г. умер, и договор перенесан на его жену Марию и племянника. Лишившись выгодных клиентов — торговых людей, — ван-сведеновская почта постепенно захирела. Однако имя Ван-Сведена, его сыновей или племянников ещё встречается в книгах почтовых операций начала XVIII в.

ПОЧТА МАРСЕЛИУСОВ

П

редок Марселиусов, датчанин Гаврила Марселиус, приехал в Москву ещё в первые годы царствования Михаила Романова.

Сын Марселиуса, Пётр, родившийся в России, пользовался большим влиянием в Москве. Официально он считался приказчиком датского короля, но занимался главным образом торговлей и промышленностью. Вёл Пётр Марселиус и дипломатические дела. Но основной его деятельностью были торговля и промышленность. Он был компаньоном железоделательных тульских заводов Виннуса, им были построены в товариществе с Тилеманом заводы по рекам Варе, Костроме, Шексне.

У Петра Марселиуса было два сына: старший Пётр, наследник всех промышленных и торговых начинаний, и младший Леонтий — дипломат. Кандидатура Леонтия Марселиуса в русские почтмейстеры была без возражений принята московским правительством. 25 мая 1668 г. был издан указ, согласно которому почту, находящуюся в ведении Ван-Сведена, следовало передать Леонтию Марселиусу и устроить почтовый тракт из Москвы до Вильны. Организация почты была поручена Посольскому приказу. Для исполнения этого указа Леонтию Марселиусу было предписано ехать в Курляндию, куда ему была изготовлена грамота с просьбой к курляндскому правительству оказывать Марселиусу помощь в его начинаниях, а оттуда в Вильну.

Перед отъездом Марселиус составил проект условий организации почты. Прежде всего он просил дать ему денег на дорогу и, кроме того, жалованье за полгода, которое он хотел раздать полезным для связи людям в Риге, Вильне, Данциге, Гамбурге и других городах. Но о том, сколько ему нужно денег, Марселиус промолчал, указав, что «сколько давали прежде за такое дело жалованья, о том известно в Приказе тайных дел».

Затем он просил дать ему письмо из Ямского приказа о выборе на всех ямах ямщиков, которые будут возить ченоданы и почтовые сумки с печатами. Эти выборные должны приводиться к присяге, что будут возить почтовые сумы «с береженьем и спешно, и днём и ночью, не распечатывая, и несмотря ни на что». Этим ямщикам Марселиус обещал платить сам.

Почтари должны были быть одеты в зелёные суконные кафтаны с нашитыми орлом и рожкой. Образец такой нашивки придумал Ордин-Нащокин.

В заключение Марселиус просил послать грамоты воеводам, чтобы те оберегали почтарей и нигде их не задерживали. По новому указу Леонтию Марселиусу было выдано 40 соболей на 100 руб. Затем Марселиус был послан в Ригу. Договорившись с рижским почтмейстером, 7 августа 1668 г. Марселиус вернулся в Москву, где условился с Ордин-Нащокиным, что будет принимать для пересылки письма из Посольского приказа, из Новгорода и Пскова и возить не только

государственную корреспонденцию, но также письма и посылки частных лиц. После приезда Марселиуса из Риги Ордин-Нащокин составил наказ-инструкцию для вновь организуемой почты. По этому наказу Леонтий Марселиус должен был заключить почтовый договор с рижским почтмейстером об установлении пересылки корреспонденции от Риги до Псковского рубежа и обратно. Из Риги почтовую корреспонденцию нужно было отправлять во все государства, куда она адресована. Посольский приказ мог посылать по почте всякие грамоты и письма и получать заграничную корреспонденцию. При этом Марселиус обязательно должен был доставлять газеты, выпускавшиеся за границей, для составления «Курантов» (первой русской рукописной газеты).

Из переводов газетных статей, «вестовых писем» воевод и дипломатических агентов, из сообщений специальных лиц, работавших в Посольском приказе, с 1621 г. и начала составляться первая русская газета «Куранты».

Русское правительство было очень озабочено скорейшим установлением дипломатических сношений с иностранными государствами и поэтому крайне нуждалось в получении сведений об их правительствах и порядках. Случалось, что в Москве не знали имен правящих королей и обращались к таким владельцам, которых уже давно не было в живых. Сведения о жизни за границей правительство получало через своих дипломатических представителей и специальных агентов. В начале XVII в. за границей появились газеты (считается, что первой была газета, выходившая в Страсбурге в 1609 г.). Московское правительство всячески старалось их приобрести. Оно выписывало все наиболее интересные периодические издания.

Начиная с 30-х годов XVII в., правительство получало ежегодно 27 газет на немецком языке, семь — на голландском, пять — на французском, две газеты — на польском и по одной газете на итальянском и шведском языках.

Согласно наказу торговые люди имели право посылать и получать по почте деловые письма. Отправлять же письма и посылки с частными лицами или с оказией торговым людям не разрешалось.

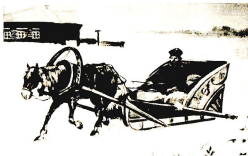
На каждом яму выбиралось три ящника, а не один, как просил Марселиус. Кроме того, на границе находился гонец с подвоею для приёма и отпуска почты.

С наказом-инструкцией Марселиус должен был озакономить воевод и приказных в Москве, Новгороде и Пскове.

С организационной почты так торопились, что уже 20 августа наказ был предъявлен псковскому воеводе. Ему первому наказ был объявлен потому, что Псков как наиболее близкий к шведской границе должен был стать центральным пунктом для обмена корреспонденции.

«Почтовое строенье» велось с несвойственной для того времени быстротой. Псковский воевода немедленно отдал приказание на Псковский ям о выборе почтарей, а 21 августа уже имел поручные записи. 26 августа поручные записи были получены с Загорского и других ямов. В этих записях ящники ручались, что будут гонять «наскоро» и ни писем, ни каких-либо других поручений от посторонних не возьмут. Если гонщик посылал вместо себя другого человека, то последний должен был быть также ящником, приведённым к присяге. В случае невыполнения всего этого приказные люди вольны были взыскать с ящников убытки.

Спешно по ямам рассылалась почтовая форма «зипуны с признаками». В Москву то и дело приходил известия о выборе почтовых гонщиков, о получении зипунов с орлами, о приводе выбранных к присяге и т. п. Но, видимо, форму для всех почтовых гонщиков не успели сшить, и, чтобы не задерживать открытия почты по Новгородской дороге, было разослано приказание о том, что «по указу великого государя посылается на Великого Новгорода ящик в темно-зелёном кафтане с признакою — с орлом, наскоро с вестовыми письмами, а велико те письма отвозить в целе с яму до яму на заводных подводах. И Бронницкого яму старосте те письма, завязав у ящника в том же кафтане, в котором приедет новгородский ящик, отпустить тотчас на Заечевский ям...» С Заечевского яма в том же кафтане гонщик должен был ехать на Зимнегорский ям. В заключении говорилось, что скоро на все ямы будут присланы кафтаны.

Ямщик, одетый в форменный кафтан «с признаком»; конец XVII в.

На противоположных концах дорог находились агенты, которым в Москве дали длинное название: «тот, кто приёмом и отпуском почты по Пскове (или другом городе) ведает». Такими агентами были в Новгороде переводчик Яков Гитнер, в Пскове — переводчик Ефим Фентер, или, как его окрестили русские, Фентуров, в Минювичях — поручик Елизарий Жуков, а позднее Фаддей Крышевский. В Смоленске выдавал почту переводчик Синорацкий, а с 1672 г. — Иван Кулабский.

Первая почта на Ригу через Тверь и Новгород по официальному заявлению Леоантия Марселиуса отошла 17 сентября 1668 г.

Почта на Вильну была организована не так скоро, как рижская. Только 4 марта 1669 г. Марселиус поехал в Польшу для заключения договоров с иностранными контрагентами. Дали, как и прежде, Марселиусу на 100 руб. соболей, но его ходатайству было ещё выдано на подарок виленскому почтмейстеру Рейнгольду Биснигу две пары со-

более стоимостью в 30 р. «да пять сороков (т. е. 200 штук) пупков¹⁾ собольих на 30 же рублей».

Снабдили Марселиуса прозащей грамотой на имя чинов Польско-Литовского государства. В этой грамоте говорится о необходимости посылать «государские грамоты» и всякие письма с целью поддержания дружбы и совместных военных действий против неприятеля.

Марселиус благополучно уладил дело с польскими почтарами, и 11 марта 1669 г. первый раз отошла из Москвы почта на Вильну.

Ордын-Нащокин приказал разослать повестки всем иностранным купцам с извещением об организации почтовой связи со Шведней и Польшей. В этих повестках указаны сроки прихода и отхода почты. Почта в Вильну должна была прибывать в среду, а в Новгород — в четверг.

Об открытии почты сообщали и русским торговым людям. Во всех слободах и посадах было объявлено что «для зарубежных дел» открыта почта, чтобы все знала условия пересылки писем.

Рижская почта начала работать по наказу, составленному Марселиусом для псковского воеводы. По этому наказу письма, отправляемые из Пскова в Ригу или Курляндию, адресуются: «В Ригу, господину Радымакеру». Письма кладутся в мешок с надписью «Рига». Письма по государственным делам, адресованные в Рутонию, Колывань, Юрьев-Ливонский, кладутся в мешок с надписью «Валк», а отправляемые в Новгород — в мешок с надписью «Новгород». Ответы, посылаемые великому государю, кладутся в мешок с надписью «Москва». К этому мешку должна быть приложена опись, какому приказу должна быть отдана та или другая грамота. Письма частных лиц посылаются из Москвы в тех же мешках.

В наказе также говорилось о том, что если к моменту отсылки почты не будет никаких писем и грамот, то почтарь всё равно должен ехать с пустыми мешками в точно назначенный день. Это очень важный факт в истории русской почты: сё движение уже не ставится в зависимость от случая, а становится регулярным.

¹⁾ Ценная часть шкурки.

Письма из Риги прибывали на границу по средам. В Печорском монастыре находился специальный гонец, который каждую среду приезжал на рубеж, где обменивал письма с гонцом из Риги. Полученная от монастырского гонца зарубежная почта осматривалась в Пскове в съезжей избе (присутственное место). Из поступившей почты отбирались письма, адресованные в Псков, а остальную почту, тщательно упакованную и запечатанную, отправляли в Новгород, а оттуда в Москву.

В Пскове был объявлен день прибытия писем из Москвы и сдачи местных писем. Из Пскова они посылались в Печоры, где их ждал гонец. Письма доставлялись с таким расчётом, чтобы гонец успел на рубеж в среду для обмена корреспонденцией с рижским гонцом.

Иновенцам, жившим в Пскове, было объявлено, чтобы они ни в коем случае не посылали своих писем ни с гонцами, ни с проезжими людьми. Если кто будет пойман с такими письмами, то их отберут и отдадут почтарю, а с посланного письмо возьмут штраф по рублю за золотник (около 4 г) веса.

«Государева почта» пересылалась бесплатно, а для частных лиц была установлена такса. За письма, пересылавшиеся за границу, из Москвы вносили по 2 алтына 4 деньги (8 коп.), из Новгорода — 8 денег (4 коп.), в Ригу из Пскова и из Пскова в Ригу — 2 алтына, из Пскова в Ругодня, Колывань, Юржев-Ливонский и обратно — 2 алтына с золотника. Это была значительная плата, так как, например, 8 коп. второй половины XVII века равнялись 1 руб. 36 коп. золотом начала XX в. Не удивителен поэтому ропот торговых людей на высокую таксу почты Марселинусов.

При благоприятных условиях из Москвы до шведского рубежа и обратно почта шла в течение трёх недель. Однако в весеннюю распутицу почта пересылалась значительно дольше. Мостов по дорогам тогда или совсем не было или их сносило полоёй водой. Ямщики, например, сообщали, что между Крестецким и Зимнегорским ямами один мост на реке сорвало совсем, а на другой реке мост хоть и цел, но он весь под водой. «Гонять стало трудно», — заявляли они и просили, чтобы не выискивали с них за опоздание. Почтари из Торжка

в весеннюю распутицу часто бросали лошадей и тащили в Вышний Волочёк тяжёлые почтовые сумки на себе. За опоздания ямщиков жестоко наказывали. Так, в 1671 г. всем ямщикам, доставившим почту с опозданием, велено было прибыть в Новгород, где их били батогами. Платнялись ямщики не только за опоздание, но и за другие промахи. Пришёл раз в Москву на почтовый двор пешком почтарь Алёшка Коток. Из сумок, которые он принёс, одна оказалась распечатанной. Допросив ямщика и Коток рассказал, как он попал в беду. К ним на Хотеловский ям привёз почту Ивашка Анкудинов. Коток не осмотрел внимательно сумок и повёз их дальше. Однако ни в Вышнем Волочке, ни в Торжке, ни в Твери почтовых сумок не приняли, а в Клинну даже лошадей не дали, так что пришлось почтарю самому тащить из Клина в Москву тяжёлые сумки.

Из Посольского приказа немедленно было послано распоряжение допросить Ивашку Анкудинова — не вынимал ли он из той сумки писем, а главное не подучал ли кто его. Если «учинил он то случаем без хитрости» ограничиться тем, что бить его батогами нещадно, а если была «хитрость», то прислать в Москву «на правед и на дыбу».

Ивашку допросили. Дело объяснилось просто — сехал он через мост, на мосту лошадь упала и у одной сумки сломались печати. Писем же он не вынимал и никто его этому не научал, виной всему мост, уж очень он «плох гораздо».

Не одно бездорожье задерживало ямщиков. Вот, что, например, сообщал Новгородский уполномоченный Марселюса Гитнер в конце 1670 г. Перевозчики на реках Верея, Черне и Сумине не хотят бесплатно перевозить почтарей с сумками. С одного почтаря они взяли 2 алтына, а с другого — даже полтину. А начнут почтари говорить, что, мол, по государеву указу не велено с них никаких перевозных брать, перевозчики грозят им убийством.

Проект устройства виленской почты был разработан виленским почтмейстером Рейнгольдом Бисингом. По мнению Бисинга, главным пунктом для заграничной корреспонденции должен стать Кенигсберг, так как оттуда посылалось наибольшее количество писем. Из Кенигс-

Наказани ямудини батогани.
Старинна граюра и текст из гра-
моты новгородскому посолу боя-
рину няию Урусову, 1684 г.

Въ нынѣшнемъ мѣсѣ гонѣ Ахасеръ въ иѣ дѣнь, послаша къ вамъ
наша Великихъ Госѣдарей Грамота, вѣлно ѣмѣнѣамъ, кото-
рыя съ почтомъ гонѣмъ мѣшкотно иѣ оплошно оутѣннѣмъ на-
мѣзѣмъ, вѣтъ батогъ иѣщае, иѣ вѣрѣдѣ приказѣтъ намъ гонѣтъ съ
ѣмѣнѣмъ съ почтомъ съ великимъ поспѣшѣнѣмъ дѣнѣмъ и
ночѣмъ, на добрыхъ лошадахъ, иѣ становѣнѣмъ съ на ѣмѣхъ въ
оуказные часы, иѣ гонѣмъ ѣмѣнѣи самѣ по оуказѣмъ, ко-
торыя съ тѣмъ гонѣмъ вѣщаны; а работникова своѣхъ не посылѣ-
ли, иѣ ни когѣ не наѣмѣли, иѣ на ѣмѣхъ съ нигдѣ не стоѣли иѣ не
мѣшкали. А вѣлно намъ гонѣтъ лѣтамъ въ часы по семѣи
вѣрстѣ, а въ осень иѣ зѣмю по пяти вѣрстѣ, иѣ съ тѣмъ почтарѣи
чѣмѣмъ не поспѣшѣны, по ночѣмъ не гонѣмъ.

берга письма направляли в Москву через Вильну. Из Вильны в Москву почту доставляли через 8 дней.

В составленном Биснигом Положении устанавливался порядок прохождения почты. Из Вильны почта должна отправляться в пятницу в полдень, в Минск прибывать в субботу в 3 ч. пополудни, в Могилёв — в понедельник в полдень и на границу — во вторник рано утром. К этому часу сюда должна поступать московская почта. Почтарь, следуя обратно, должен быть в Москве во вторник в полночь, в Минске — в четверг в 5 ч. утра и в Вильне — в пятницу в полдень.

Почтарям выдавалась форма — красный кафтан; на кожаном поясе у них висел рог, в который они трубили, извещая горожан о своём прибытии. Почтарю давался особый лист, в котором отмечался день и час отпуска почты. Для перевозки почты в пределах русского государства Посольский приказ выработал вместе с Марселинусом руководство, посланное 9 марта 1669 г. Ямскому приказу.

Вот каковы были сроки хода виленской почты. Вышедшая из Москвы почта прибыла в Можайск 4 августа, в Вязьму — 6, в Дорогобуж — 7, в Смоленск — 8 и 9 августа была доставлена на рубеж.

До нас не дошло почти никаких документов о виленской почте в первые годы её существования. Сохранилась только жалоба виленского почтмейстера Биснига. Он писал в начале мая 1669 г., что последняя почта получена им из Москвы не через 4 дня, а через три недели. Если это повторится и в дальнейшем, то торговые иноземцы будут нести большие убытки. Видимо, почта не стала аккуратнее доставляться и позднее, так как правительство постоянно прибегало к наказанию ямщиков батогами.

В связи с новой организацией почтового дела ямщикам прибавилось много обязанностей, увеличилась ответственность за пересылаемую корреспонденцию, а денег им за гоньбу никто не платил.

И ямщики пишут жалобы. В 1671 г. подали челобитную тверские ямщики. В ней говорилось, что 12 сентября по государеву указу выбрали они троих почтовых гонщиков. Выборные почтари гоняли от Твери до Клина и от Твери до Торжка. На этой скорой гоньбе они

измучил не только лошадей, но и себя. Почтари стали отказываться от гоньбы. Ямщики и сами видели, что трое выборных с делом не справятся. Решили почту возить всей слободой поочередно. Вначале во время привозили почтовые сумки, но потом с почтой стали пересылать тюки пудов по 10 и больше. Возить такие грузы стало невмочь, начались опоздания. От скорой гоньбы, да ещё с такими кладами, все лошади охромели, а новых купить нет денег. Им, тверским ямщикам, за 1668 г. недодаю жалованья 50 руб., в 1669 г.—600 руб. и в 1670 г. — 200 руб. Прогонны они не получали все последние четыре года.

Почтовая гоньба была делом нелёгким, но Марселиус ничего не предпринимал для её облегчения, а во всех неурядицах винил только ямщиков и сам постоянно жаловался на них.

Однако Марселиус ни разу не вспоминал, что почтарям надо платить за перевозку почты.

По условию с Ордын-Нащокинным от 7 августа 1668 г. Марселиус обязался содержать почту на свои средства, но он оплачивал только зарубежных агентов.

Почтари некоторое время терпели, но вскоре в Москву начали поступать челобитные ямщиков о неуплате им почтовых прогонов. Марселиус платить почтарям решительно отказался, сославшись на то, что прогонные деньги ямщикам всегда дают из Ямского приказа. Приказные согласились с мнением Марселиуса и было решено, что годовое жалованье и прогонные деньги за почтовую гоньбу ямщикам будут платить с того числа, как началась гоньба.

Размер оплаты был окончательно установлен только в 1672 г. В этом году новгородскому воеводе поступила челобитная от старост всех ямов, расположенных по дороге из Москвы в Псков, в которой они просят назначить им за почтовую гоньбу прогонные деньги. Жалобу переслали в Москву и там решили давать за почтовую гоньбу прогонные деньги на две лошади. За простойные дни и за обратный путь платы не полагалось.

В конце 1669 г. два переводчика Посольского приказа заявили, что Леонтий Марселиус приносит иностранные газеты распечатанны-

ми. Наиболее интересные сведения, переведённые для правительства, оказываются известны многим. «В немецких государствах того не ведётся, чтобы почтарь распечатывал куранты,—сообщали переводчики,—если он их приносит распечатанными, то его за это наказывают».

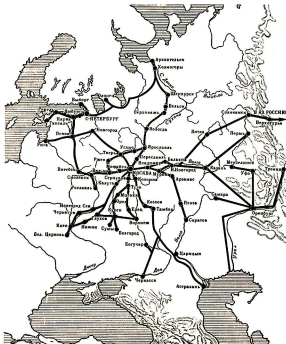
Леонтий Марселиус пытался объяснить всё тем, что он вынужден распечатывать пакеты, чтобы вынуть личные письма. Марселиусу сказали, что письма на имя Марселиусов будут им доставлены, но сумки они обязаны доставлять нераспечатанными. Через несколько дней против Марселиуса было выдвинуто ещё более серьёзное обвинение в том, что государственные (правительственные) письма поступают распечатанными. Даже больше того,—почтари осмеливаются иногда оставлять подлинники письма у себя, а вместо них приносят копии этих писем.

Для объяснения явился сам глава семьи Пётр Марселиус. Он признаёт сумки запечатанными, но сказал, что он и его сын Леонтий этот приказ считают для себя великим бесчестьем. В заключение он сказал, что не признаёт возможным распечатывать сумки в приказе, и ушёл их обратно.

Запросил по этому делу Ордын-Нащокина, бывшего в это время по посольским делам в Мигновичах. Ему послали вопросные статьи: «Почта для чего не за крестным целованием (Т. е. не по присяге.—М. В.) Грамотки (Письма.—М. В.) распечатывают, а Марселиус сказал, что и впредь будет распечатывать. Явно, что вести переписывают, в числах не сходится. И в золотых уайка есть, что многие присылаются через почту, а он не все объявляет».

Ордын-Нащокин ответил, что «Леонтий Марселиус сам за себя ответ даст, как принимает; а присягал ли служить правдою — это приказное дело».

К первым же годам почтойстерства Марселиусов относится их попытка организовать пересылку почты от Москвы до Архангельска. Ордын-Нащокин поддержал намерение Марселиусов и в апреле 1669 г. написал письмо царю о необходимости учреждения архангельской почты. В июне 1669 г. Леонтий Марселиус, которому было из-

Карта почтовых путей сообщения в России конца XVII — начала XVIII вв.

вестно письмо Ордын-Нащокина, подал челобитную с просьбой об организации новой почты. Письма должны были возить не круглый год, а только с 1 мая до 1 октября каждую неделю. Это ходатайство поддержали и пять иностранных купцов. Московским купцам, державшим в своих руках большинство промыслов Северного края, была также крайне необходима архангельская почта. Была она нужна и московскому правительству, ведь через Архангельск поддерживались связи с Европой. Однако в ходатайстве Марселанусу было отказано. Не помогало и заступничество Ордын-Нащокина. Марселанус ответил, что «Великий государь к Городу почте по той дороге не указал быть».

1671 г. был тяжёлым годом для Марселанусов — умер их покровитель Ордын-Нащокин. Немного пережил его и Лесонтий Марселанус. Но энергичный Пётр Марселанус сделал так, что все почтовые дела перешли в наследство к его сыну Петру.

Кильбургер, бывший в Москве в 1674 г., вот как описывает почтовую связь того времени. В Новгород, Псков и Ригу почта отходила из Москвы по вторникам, а приходила по четвергам. Из Москвы до Риги почта шла от 9 до 11 дней. Почтовая такса указана Кильбургером несколько иная. За пересылку письма из Москвы в Новгород платили 6 коп. (прежде 8 коп.) с золотника, в Псков — 8 коп. (прежняя цена), а в Ригу — 10 коп. (прежде 8 коп.). Вильнская почта отходила вечером в среду, а прибывала через неделю в среду утром. По почте можно было отправлять письма через Кенигсберг во все города Германии. За письмо из Москвы до Берлина платили 25 коп. с золотника.

В 1674 г. умер старик Марселанус и почта перешла в руки его сына Петра. Прежде Марселанусы крепко держали почтовое дело в своих руках. Пётр Марселанус не сумел справиться с делом. Сразу же обвинил его вилениский почтмейстер Бисинг. Он выманил у Марселануса соболей на довольно большую сумму, а потом самовольно высчитал ему провоз писем по очень дорогой цене, так что соболей пошел за бесценок, а половину денег не заплатил. После этого Марселанус стал уделять вилениской почте мало внимания и она стала работать всё ху-

же и хуже. По временам почта уходила только раз в месяц. Небрежно относился новый «шляхетной начальник над почтою» и к рижской почте. И вот 4 декабря 1675 г. был издан указ, по которому велено: «почты виленскую и рижскую, которые ведал Пётр Марселиус, ве-
дать Посольского приказа переводчику Андрею Виннису по той при-
чине», что «ныне та почта начала приходить в Москву не в указные
дни, а приходит с опозданием в день или два...»

Обвинение в запаздывании корреспонденции было обычным, но, видимо, Пётр Марселиус сам охладел к этому хлопотливому делу и уступил почту без борьбы.

ПОЧТА ВИНУСА

Андрей Андреевич Виниус ведал почтовым делом в течение 26 лет. Около года (до 1676 г.) он был «начальнейшим над почтою» при царе Алексее Михайловиче, шесть лет (1676—1682)—при царе Фёдоре Алексеевиче, семь лет (1682—1689)—во время правления царевны Софьи, и, наконец, около двенадцати лет (1689—1701) — при Петре I.

За свою работу по управлению почтой Виниус не получал никакого жалования, но он, как и Марселлус, брал в свою пользу сборы с отправителей и получателей. Были случаи, когда правительство обязывало его платить прогоны почтарям. Но в случаях превышения расходов Виниуса над его доходами правительство обязывалось возместить ему убытки.

Рижская почта была передана Виннусу в сносном состоянии, но виленская почта к этому времени почти не существовала. Пока приезжали из Польши в Москву послы, почта действовала исправно, но после окончания дипломатических переговоров на Вильну корреспонденция почти не посылалась. Окончательно порвалась почтовая связь после слухов о моровом поветрии за границей в 1679 г. На рубеже с Польшей были поставлены заставы и все письма возвращали обратно или уничтожали. Через год заставы сняли, но в 1681 г. из-за вновь возникших слухов о моровом поветрии поставили вновь.

Официально виленская почта не была ликвидирована, поэтому отдельные лица по-прежнему отправляли письма на Вильну, которых, однако, редко доходило до адресатов.

В 1681 г. виленский почтмейстер Рейнгольд Бисинг, которому было невыгодно прекращение этой почты, пожаловался в Посольский приказ, что письма по почте отправляют всего лишь раз в месяц. В ответ на жалобу Бисинга Андрей Андреевич Виннус представил «статьи», в которых сообщал о ненужности и убыточности виленской почты. Немногие письма, которые нужно было посылать на Вильну, он направлял через Ригу, и иностранные торговые люди уже привыкли постоянно пользоваться услугами одной рижской почты.

Для московского правительства важно было своевременно получать иностранные газеты. По виленской почте пересылались в Москву газеты из Кенигсберга. Виннус в своих «статьях» уверял, что рижские куранты гораздо содержательнее кенигсбергских, так как в них очень много интересных для Москвы известий о Швеции и Польше. Кроме того, кенигсбергские куранты можно получать и через Ригу. В Посольском приказе согласились с доводами Виннуса и 16 июня 1681 г. правительством была издан указ о том, что почту по виленской дороге следует посылать только в случаях особой необходимости.

В 1683 г. новый начальник Посольского приказа князь В. В. Голицын, один из просвещёнейших людей своего времени, справившись о виленской почте, был очень недоволен её упадком. Он предложил Виннусу возобновить её, тот опять повторил свои доводы о ненужности почты. Тогда Голицын 16 июня 1683 г. надал от имени правительства Софьи указ, в котором было предписано Явскому приказу организовать пересылку почты от Москвы через Смоленск до литовского рубежа и обратно. Приёмом и отпуском корреспонденции велено ведать в Москве Посольскому приказу, а в Смоленске — ротмистру Фаддею Крыжевскому. В грамоте смоленскому воеводе было приказано, чтобы Фаддей Крыжевский возобновил сношения с литовским почтмейстером.

Однако виленская почта была восстановлена лишь через два года. В 1685 г. в Москву приехал польский посол Зембоцкий для заключения вечного мира между Московским государством и Польшей. Он заявил Голицыну, что польский король предлагает возобновить

виленскую почту на прежних основаниях. Голицын согласился с этим и Виннику было велено начать переговоры с виленским почтмейстером Рейнгольдом Бисингом¹⁾).

Для скорости виленская почта начала работать по старому соглашению.

10 декабря 1685 г. Бисинг прислал договор подписанным. Он несколько отличался от договора 1669 г. В первом пункте этого договора сказано, что все прежние счета погашены, и никаких уплат с обеих сторон не должно быть. В следующих пунктах излагается, как будет идти почтовая гоньба. Получив почту на прусской границе у местечка Ленкен в среду, Бисинг должен доставить её в Вильну в пятницу; после двухчасовой остановки почту везут в Минск, куда она должна прибыть в воскресенье, оттуда в Могилёв — во вторник, в Кадзи — в среду. Таким образом, от границы почта будет пересылаться в течение 8 дней. Задержка с доставкой почты весной и осенью не должна ставиться в вину ямщикам.

За пересылку писем из Москвы и Кенигсберга берётся плата по 18 грошей с письма. Эту плату Бисинг должен получать каждые полгода согласно представленным счетам. Кроме того, за организацию работы Бисингу даётся в год пара соболей. Такса с ящиков и посылок устанавливается в 90 грошей с фунта.

Государственная корреспонденция посылалась бесплатно и за её пересылку надо было довольствоваться только «добродетным пожеланием государей». За пересылку корреспонденции иных государей, кроме московского и польского, вималась плата. Посольская переписка оплачивалась как письма частных лиц.

В последних пунктах договора говорилось, что если письма или посылки пропадут в Литве, то Бисинг обязуется их разыскать; то же должен делать и Винник в Московском государстве. На посылках и пачках корреспонденции должен быть точно указан вес. По новому

¹⁾ В договоре с Польшей есть статья 29, касающаяся международной почты. Эта статья изложена почти в тех же выражениях, что и в договоре с Андерусским перемирью, только термин «начальнейший над почтой» заменён словом «почтмейстер».

договору замедлена доставка корреспонденции до польско-русского рубежа (вместо четырёх тратилось пять дней), точнее разработана такса и уменьшено количество корреспонденции, которая перевозилась бесплатно или на льготных условиях.

Рижская почта была принята Виннусом в гораздо лучшем состоянии, чем виленская. В 1677 г. Виннус заключил новый договор со вдовою рижского почтмейстера Маргаритой Гизе. Этот договор оставался в силе до 1684 г.

Почтовая гоньба хоть и не очень чётко, но шла. В 1683 г. почтмейстер Новгородка-Шведского заявил, что русская почта очень запаздывает и шведским почтарям приходится ждать её на границе дня по два, а то и по три. Тогда в Москве решили посылать почту на Ригу не во вторник, а в понедельник.

Между тем, Маргарита Гизе всё хуже выполняла свои обязательства. Бралась лишняя плата, пачки с почтой присылались развязанными, почта на границу доставлялась в неурочные дни. В мае 1684 г. Виннус жаловался на медленное поступление корреспонденции и кстати упомянул, что и почта из-за границы очень запаздывает. Наконец, Виннус расторгнул договор с Маргаритой Гизе и заключил новый договор с почтмейстером Юрьева-Ливонского Андреем Максом. Затем Виннус обратился с ходатайством к правительству о том, чтобы было сделано распоряжение о пересылке всех писем, адресованных в Россию, в Юрьев. Договор Виннуса с Андреем Максом до нас не дошёл, но из позднейших документов известно, что Макс присылал почту в Печорский посад, где почтарь принимал московскую почту у псковского ямщика. За пересылку корреспонденции Макс получал 290 ефимков (ефимок по весу немногим более рубля) в год, которые ему выдавали вперёд, а также плату от Риги до Мемеля в зависимости от веса корреспонденции. Таким образом, правительство широко использовало почту для управления государством и требовало от областных чиновников, чтобы вся деловая переписка пересылалась по почте.

В это время пишут уже не одни иностранцы, но и «русские всяких чинов и торговые люди». От первых лет царствования Петра I со-

хранились полные списки корреспондентов за два года; к сожалению, таких списков за описываемый нами период нет.

Нам неизвестна официальная такса почты Виннуса, сохранились только записки приехавшего на московскую службу Гордона, который часто пользовался почтой. По его словам, за пересылку письма от границы до Москвы платили 8 коп. с золотника, от Новгорода до Москвы — 4 коп., от Риги до Пскова — 6 коп., за пересылку денег брали 3% от суммы. Почтовая такса была очень высокой, такой же, как и при Марселлусах. Гордон также сообщает, что письма из Гамбурга в Москву идут 4 недели, из Москвы в Данциг — 3 недели.

В 1688 г. Виннусу сообщали из Новгорода о волнении среди местных ямщиков, которые хотят жаловаться на то, что им приходится перевозить «кроме почтовых сумок» большие тяжести — бочки с рыбой, бочонки с уксусом, мёрзлую рыбу. Большинство ямщиков присоединилось к протесту, а тех, кто не хотел поддержать товарищей и отказывался приложить руку под челобитной, приказчик всячески преследовал — бил без вины батогами, штрафовал. Приказчик требовал от ямщиков, чтобы они, кроме почтовых сумок, ничего не брали и строго следил, выполнялся ли этот приказ.

Получив такое сообщение, Виннус постарался уверить Посольский приказ, что тяжёлых кладей он никогда почтарям не давал возить. Но из переписки Виннуса мы знаем, что он не раз просил своих приятелей прислать ему с почтой кадку судачков или десять ведер уксусу да небольшой бочонок сига. Видно, о таких поручениях знали, и правительство вынесло решение: тяжёлых кладей с почтой не посылать, лекарства и вино посылать с особыми нарочными, по почте должны перевозиться только лёгкие посылки — фрукты, меха и др.

О сроках движения почты свидетельствуют записки в одной из подорожных, где указывалось, когда на яме получена почта, когда и с кем отправлена. Из этого документа видно, что хорошим зимним путём почта, которую везли днём и ночь из Пскова «генваря 17 числа, в 8 часу ночи» прибыла в Москву «генваря в 23 день в отдачу часов поч-

ных». Время в старину считалось не так, как теперь: сутки делились на часы дневные и ночные, час солнечного восхода был первым часом дня, а час заката — первым часом ночи. В конце января солнце восходит около 8 час. утра, а заходит около 17 час. Таким образом, почта была отправлена 17 января в 1 час ночи, прибыла же она в Москву не 23, а 24 января около 7 час. утра, т. е. находилась в дороге 150 час. Расстояние между Москвой и Псковом—690 вёрст, таким образом, ящики везли почту со средней скоростью 4,5 версты в час. Принимая во внимание, что им приходилось задерживаться на ямах для передачи почты, её тщательного осмотра и записи в подорожную, эта скорость не так уже мала, хотя и меньше установленной приказом—7 вёрст в час.

Перегоны между станциями были большие. Так, от Москвы до Твери ящики ездили без смены лошадей 180 вёрст. Почта, отправленная из Москвы, прибывала в Тверь на третий или четвёртый день. Из Твери почтарь, взяв почту, с трудом поспевал в Москву, чтобы в назначенный срок вновь повезти корреспонденцию.

У Виннуса, как и у Марселюсов, были в отдельных городах помощники по почтовым делам из лиц, которые «приём и отпуск почты ведают».

Но эти служащие играли куда более скромную роль, чем помощники по почтовым делам Марселюсов. Те по собственной инициативе стараются улучшить организацию почты, обращаются по этому поводу не только к местным воеводам, но и в Посольский приказ. При Виннусе все вопросы организации почтовой связи исходят из Москвы. Виннус энергично проводил принцип централизации управления почтовой связью.

Очень велика роль московского помощника Виннуса, Гавриила Петрова. Титулов у него никакого не было, обычно он во всех документах назывался «думного дьяка Андрея Андреевича Виннуса человек, который почтовые отпуски и приемы в книгу записывает». Но Гавриил Петров не только вёл записи в книге, а по существу ведал всей практической стороной почтовой гоньбы. Он подписывался иногда за Виннуса на «сказках», сам подавал их в Посольский приказ, сооб-

щал о проступках ямщиков, приводил их в приказ и вёл обширную переписку со всеми ямами.

При новом почтмейстере работа ямских учреждений улучшилась незначительно. Основную причину запаздывания почты Виннус видел по-прежнему в плохой работе ямщиков. Правда, жалобы Виннуса на ямщиков начинаются только с 1677 г., видимо, в первые годы своего почтмейстерства ему удалось улучшить гоньбу. Но уже в 1677 г. он пишет, что почта из Москвы в Мигновичи приходит только на восьмой-девятый день, а раньше приходила на пятый-шестой день. В апреле 1683 г. Виннус подал челобитную. В ней он наряду с жалобами на ямщиков указал на плохое состояние почтовых дорог. Виннус писал, что мосты, проложенные на грязных и топких местах, попортились, а в иных местах их нет совсем. Лошадь почтарей на таких мостах падают и ломают ноги. И таких мостов, например, от Москвы до Смоленска было 533. В результате почтовые сумки оказывались подмоchenными. Ямщики, боясь наказания, не принимали их у прибывших почтарей, и тем приходилось возвращаться с сумками на ям.

Всё это заставило Виннуса просить царского указа о починке дорог и сооружении на них мостов. Правительство согласилось с Виннусом и через несколько дней после его челобитной было разослано приказание воеводам о приведении дорог в порядок, и дороги были починены.

Через четыре года, в 1687 г., московское правительство уже без просьбы Виннуса разослало указы в Новгород, Кани, Тверь, Торжок. В этих указах велено было на грязных и топких местах проложить мосты. Однако через месяц некоторые из местных воевод уже доносили, что старые мосты починены, а новые мосты и вновь намощены.

Во время почтмейстерства Андрея Виннуса разрешился, наконец, вопрос о постоянной оплате ямщикам за почтовую гоньбу.

Виннус неохотно вступал в сношения с Ямским приказом, и до 1690 г. деньги ямщикам выдавались из Посольского приказа. В про-

винники ямщики получали деньги за почтовую гоньбу в местных приказных избах.

Виниус большое внимание уделял форменной одежде почтарей. В 1675 г. для них были заказаны сермяжные белые кафтаны. Кафтаны хватало лет на пять, и в 1681 г. их пришлось заказывать снова. Ямщики очень дорожили своей форменной одеждой и, когда она приходила в ветхость, засыпали правительство челобитными о выдаче им новой. На каждый кафтан полагалось 4,5 аршина гамбургского сукна, на все орлы — 2 аршина красного гамбургского сукна, за приклад и работу бралась плата 10 алтын.

ОРГАНИЗАЦИЯ ВНУТРЕННЕЙ ПОЧТЫ

М

осковское правительство надеялось справиться с организацией почты внутри государства собственными силами, не прибегая к помощи иностранцев.

Правда, вначале эти попытки были не очень удачны.

Основными причинами для устройства внутренней почты были, во-первых, необходимость связать Москву со вновь присоединёнными «украинскими городками» и, во-вторых, военные дела: часто конечным пунктом новой почтовой дороги являлись полки какого-то местного воеводы.

Первая почтовая дорога шла от Москвы до Киева. В «Глуховских договорных статьях», заключённых московским правительством 6 марта 1669 г. с гетманом Многогрешным, есть упоминание, «чтоб учинить на местах почту...».

В 1670 г. киевскому воеводе Козловскому было предложено устроить в Киеве почту для скорой пересылки востовых писем в Москву. Почтарей было велено нанимать добровольно.

Однако наладить почту тогда не удалось и лишь в 1673 г. снова было приказано устроить почту от Москвы до украинских городов через Калугу, Севск и Глухов. Организацию почты возложили на Ямской приказ, который должен был сообщать, сколько на каком стане (станции) стоит лошадей и «в каких местах кому почта поручена будет». Нанятым почтовым гонщикам приказано «быть всегда наготове для его, великого государя, скорых дел». Почтовую гоньбу велено гонять днём и ночью, «так же, как рижская и вилевская почты учинены».

По этой почте предполагалось пересылать не одну только правительственную корреспонденцию, но и частные письма, так как приказывалось отдавать «всякие письма нмнянно безо всякия задержки». Ямским приказом для организации почты из Москвы был послан специальный человек — ямской приказчик Чешихин.

В 1674 г. правительство пишет новому киевскому воеводе Трубечкому о необходимости возобновления почты из Киев. Видимо, эта почта работала, потому что царь Фёдор Алексеевич, посылая в 1676 г. на Украину переславского воеводу Волконского, приказал ему, что, если он «услышит о повлении моровой язвы в соседних землях, о том писать государю по почте».

В августе 1678 г. севский воевода Неплюев получил новый указ о том, чтобы он «для скорых посланок» из Москвы до войск Ромодановского организовал почтовую связь от Севска через Глухов, Конотоп, Ромны до Днепра — «до самого полка» и чтобы стан от стана была не дальше 30 вёрст.

В августе 1686 г. была послана грамота севскому воеводе Неплюеву об организации запорожской почты. В грамоте указывалось: «Учи-

нить почту по городам украинным и свободским до Переволочны и до Кодака и до Запорожской Сечи». Однако в 1687 г. письма пересылались только от Москвы до Ахтырска.

В феврале 1689 г. серпуховскому, тульскому, мценскому и курскому воеводам было послано извещение о том, что для скорой пересылки грамот в полки учреждаются 20 почтовых станов на расстоянии от Москвы до Рублёвки.

В 1677 г. была послана грамота в Коломну об организации почтовой связи от Москвы до Тамбова для переписки с тамбовским воеводой.

В период полного упадка виленской почты московское правительство налаживает курьерское сообщение от Москвы до Смоленска и до Минювичей. По станам велено было поставить нарочных с четырьмя хорошими лошадьми. Но как только виленская почта была возобновлена, курьерская связь между городами прекратилась.

Чаще всего правительственную почту организовывал Разрядный приказ, так как она имела военные цели. Организовывал почту и Ямской приказ.

Почтари выбирались из стрельцов или других служилых людей, иногда — из местных жителей или ямщиков.

По наказу воеводам предписывалось оказывать стройщику ямов всякое содействие, давать стрельцам-почтарям, посланным со стройщиком, для постоя просторные дворы с крытыми конюшнями, с сараями и амбарами для сена и овса на дороге, а не где-нибудь в переулке. За стрельцами-почтарями наблюдать, чтобы они не пили, из станов не отлучались; чтобы лошади у них всегда были осёдланы и готовы к гоньбе, а они, приняв письма, быстро, без задержки сданы от стана до стана.

Почтари формы не получали, им давали знаки, обычно металлические, с изображением ораа. Почтари, не получившие таких знаков, просили правительство об их выдаче. Без знаков, уверяли они, люди не верят, что они возят почту, бьют их, грабят, отнимают лошадей.

Перевозимая правительственная корреспонденция запечатывалась в пакет или сумку. Вместо «записных столбцов», принятых в «немец-

кой» почте, почтари расписывались в приёме почты прямо на пакете. На каждом стане точно записывали, когда пришла почта и когда она была отправлена дальше. Записи о движении почты вели подьячие, которые поочерёдно сменялись.

Внутренняя почта работала не хуже «немецкой». Например, отправленные из Кисеа письма приходили в Москву через 15—20 дней, экстренная же почта доставлялась через 6—8 дней.

По существу это была регулярная ямская гоньба—прообраз современной почтовой связи.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Возникновение ямской гонимы	3
Ямщики и ямы	10
Ямские оловники и ямские слободы	17
Ямская гонима после польско-шведской интервенции	25
Новые порядки в ямской слободе	29
Ямская гонима в Сибирь	36
Мировые отпуски	40
Возникновение почты	45
Почта Марославцев	52
Почта Вилнуса :	67
Организация внутренней почты	76

Мария Николаевна Виташевская

СТАРИННАЯ РУССКАЯ ПОЧТА

Редактор *Т. С. Сидорова*

Художник *Г. Ф. Баскаков*

Техн. редактор *К. Г. Марков*

Корректор *А. Э. Фрейдина*

Сдано в набор 29/IV 1962 г.	Подписано в печ. 25/VII 1962 г.
Форм. бум. 70X90/16	5,0 печ. л. 5,85 усл.-печ. л. 3,98 уч.-изд. л.
T-07828 Тираж 4500 экз.	Зах. изд. 10188 Цена 14 коп.
Связьиздат, Москва-центр, Чистопрудный бульвар, 2.	

Типография Связьиздата, Москва-центр, ул. Кирова, 40. Зах. тит. 396